ВСЕРОССІЙСКІЙ КООПЕРАТИВНЫЙ БАНКЪ БИБЛІОТЕКА

W. STANISZEWSKI.

КЪ ВОПРОСУ

О БАНКАХЪ КРАТКОСРОЧНАГО КРЕДИТА.

332
Г 18

СТѢСНЕНІЕ НА ДЕНЕЖНОМЪ РЫНКѢ
И
НАШИ БАНКОВЫЕ ПОРЯДКИ.

Ин-т Госбанк СССР 1686 Библ.

П. Гамбарова.

ВСЕРОССІЙСКІЙ КООПЕРАТИВНЫЙ БАНКЪ БИБЛІОТЕКА Абон. №65

КІЕВЪ.
Тип. С. В. Кульженко, Ново-Елисавет. ул., собств. д.
1895.

РЕДКИЙ ФОНД
П 1516-22

Дозволено цензурою. Кіевъ, 29-го Іюля 1885 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Когда рѣчь заходитъ о темныхъ сторонахъ въ дѣятельности нашихъ банковъ, то обыкновенно выдвигаются на первый планъ нарушенія уставовъ, хищенія, подлоги и вообще злоупотребленія преступнаго характера въ родѣ тѣхъ, въ какихъ провинились Юхонцевы, Свиридовы, Рыковы. Но въ предлагаемой брошюрѣ мы совсѣмъ обходимъ злоупотребленія преступнаго характера и сосредоточиваемъ все вниманіе на недостаткахъ присущихъ самой системѣ нашего банковаго кредита.

Хищенія не неразлучно связаны съ банковымъ дѣломъ. Ихъ не меньше въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ, страховомъ земскомъ, городскомъ, само казенное хозяйство не свободно отъ нихъ. Правда, они сильно вредятъ пра-

вильному развитію у насъ кредита, но для народнаго хозяйства имѣетъ гораздо болѣе важное значеніе то зло, которое непосредственно зависитъ отъ всей установившейся нынѣ системы веденія банковаго дѣла.

При основаніи у насъ банковъ краткосрочнаго кредита и утвержденіи ихъ уставовъ было совсѣмъ упущено изъ виду, что учетъ векселей у насъ никакъ не можетъ получить того характера, какой онъ имѣетъ на западѣ. Ему всячески потворствовали и отъ развитія его ожидали самыхъ полезныхъ результатовъ.

Между тѣмъ, по мѣрѣ расширенія учетной операціи все яснѣе стало обнаруживаться, что она идетъ по совершенно другому направленію, и теперь ни для кого не секретъ, что она имѣетъ дѣло преимущественно не съ вексельнымъ кредитомъ, а съ кредитомъ совершенно другаго рода, который только облекается въ вексельную форму, въ сущности же цѣликомъ основанъ на пользованіи услугами поручительства.

Мы не будемъ винить банки за то направленіе, какое получилъ у насъ учетъ векселей. Они нашли совсѣмъ неподготовленную

почву и искусственно не могли создать тѣхъ условій, которыя благопріятствовали бы развитію серьезнаго вексельнаго кредита. Но во всякомъ случаѣ на ихъ долю выпадаетъ довольно тяжелая отвѣтственность за черезчуръ пассивное отношеніе къ дѣлу. Они оставляли и до сихъ поръ продолжаютъ оставлять безъ вниманія—какою опасностью грозитъ широкое распространеніе поручительства въ банковой практикѣ, и очень мало заботятся о мѣрахъ предосторожности.

Кредитъ, опирающійся на силѣ поручительства, по природѣ своей имѣетъ мало общаго съ вексельнымъ кредитомъ. Онъ очень легко извращается и требуетъ гораздо болѣе осторожнаго обращенія. Если его вводить въ банковую практику, то необходимо вмѣстѣ съ тѣмъ и установить для него совсѣмъ другое регулированіе.

ГЛАВА I.

Нѣсколько предварительныхъ замѣчаній. Предметъ настоящаго разслѣдованія.

Въ настоящее время никакъ нельзя пожаловаться на недостатокъ у насъ въ банкахъ краткосрочнаго кредита. Сравнительно ихъ даже много. По размѣру оборотовъ и по величинѣ основнаго капитала первое мѣсто занимаютъ акціонерные банки. Основной ихъ капиталъ доходитъ до ста пяти милліоновъ. Рядомъ съ ними дѣйствуютъ двѣсти восемьдесятъ съ лишнимъ городскихъ общественныхъ банковъ съ капиталомъ въ двадцать четыре милліона и почти съ такимъ же капиталомъ до ста обществъ взаимнаго кредита. Вклады всѣхъ этихъ учрежденій превышаютъ пятьсотъ милліоновъ. Не слѣдуетъ упускать изъ виду и того, что потребности торговли и промышленности въ краткосрочномъ кредитѣ удовлетворяются также Государственнымъ Банкомъ и Польскимъ банкомъ, которые вмѣстѣ со своими филліальными учрежденіями затрачиваютъ на ссудную и учетную операцію двѣсти пятьдесятъ милліоновъ съ лишнимъ.

Между тѣмъ, не смотря на такое обиліе банковъ и на сравнительно большія оборотныя средства, какими они располагаютъ, у насъ отовсюду

слышатся жалобы на стѣсненіе въ кредитѣ и на недостатокъ въ деньгахъ. Учетный процентъ всюду стоитъ сравнительно на высокомъ уровнѣ, а въ провинціяхъ нѣкоторые банки взимаютъ чуть не ростовщическіе проценты. Въ началѣ дѣло стояло не такъ. Когда учредительская горячка широкою волною обошла всю Россію и повсюду стали основываться банки, въ первые годы вездѣ замѣчалось оживленіе. Кредитъ былъ дешевъ и доступенъ, сдѣлки совершались легко, дѣла клеились сами собою, предпріимчивые люди скоро богатѣли. Все шло какъ по маслу. Но скоро картина совсѣмъ измѣнилась.

Происшедшую перемѣну въ началѣ называли кризисомъ. Однако кризисы имѣютъ свойство обыкновенно скоро проходить и давать мѣсто новому оживленію. У насъ этого не вышло. Наши дѣла стали все болѣе ухудшаться; такое ухудшеніе и до сихъ поръ продолжается, при чемъ во всѣхъ отрасляхъ промышленности и торговли чувствуется сильное и продолжительное угнетеніе. Это больше уже не кризисъ, а настоящій хроническій недугъ, медленно и неуклонно подтачивающій все способное къ жизни въ нашемъ экономическомъ организмѣ.

При объясненіи причинъ теперешняго общаго застоя въ дѣлахъ и угнетеннаго состоянія денежнаго рынка, у насъ въ большомъ ходу взваливать всю вину на бумажныя деньги и на усиленные выпуски, вызванные послѣднею восточною войною. Но какъ ни велико зло, причиненное этими выпусками и какъ вообще ни вредно вліяніе бумажныхъ денегъ, имъ однимъ никакъ нельзя приписать всѣхъ невзгодъ нашего экономическаго положенія.

Такія явленія, какъ тяжелый хлѣбный кризисъ, переживаемый повсемѣстно въ Россіи, или какъ сахарный кризисъ, чувствуемый только въ извѣстномъ районѣ, имѣютъ свои спеціальныя причины и находятся внѣ всякой зависимости отъ условій валюты. Почти тоже самое можно сказать и про нашъ фабричный кризисъ. Если бы и при звонкихъ деньгахъ у насъ придерживались теперешней таможенной и тарифной политики, наши фабрики, по всему вѣроятію, въ такой же мѣрѣ были бы загромождены нераспроданнымъ товаромъ и испытывали бы такое же сильное стѣсненіе.

Но если даже оставить совсѣмъ въ сторонѣ явленія этого порядка, при которыхъ бумажныя деньги ни причемъ, и обратиться непосредственно въ ту сферу, гдѣ условія валюты сказываются сильнѣе всего, то и тутъ нельзя не признать, что рядомъ съ этими условіями дѣйствуютъ не менѣе сильно еще другія, которыя по природѣ своей могутъ вести вполнѣ къ аналогическимъ результатамъ. Мы тутъ разумѣемъ въ особенности тѣ условія, которыя опредѣляютъ характеръ долговыхъ отношеній въ дѣловой жизни страны.

Усиленнымъ выпускамъ обыкновенно приписывается, что они въ началѣ производятъ искусственное оживленіе, и что за такимъ оживленіемъ слѣдуетъ продолжительный застой и сильно ощущаемый недостатокъ въ деньгахъ. Но то, что обыкновенно подразумѣвается подъ оживленіемъ и подъ застоемъ, не въ меньшей мѣрѣ зависитъ и отъ только что указанныхъ условій. Когда они такъ складываются, что долговыя отношенія съ легкостью завязываются и съ легкостью развязы-

ваются, тогда вообще дѣла идутъ успѣшно и въ оборотахъ замѣчается оживленіе. Широкимъ кредитомъ такъ-же легко вызвать искусственное оживленіе, какъ и бумажными деньгами. Никто не отрицаетъ, что усиленные выпуски въ концѣ концевъ ведутъ къ застою въ дѣлахъ и къ угнетенному состоянію денежнаго рынка; однако, такое угнетенное состояніе рынка можетъ наступить и вслѣдствіе злоупотребленія кредитомъ. Когда долги рѣдко поступаютъ исправно и заемщики часто приходятъ въ положеніе неоплатности, всѣ вообще долговыя отношенія сильно запутываются, а при такой запутанности ни для какого вѣрнаго дѣла нельзя бываетъ достать денегъ.

Условія, опредѣляющія характеръ долговыхъ отношеній, складываются въ каждой странѣ подъ вліяніемъ дѣйствія весьма разнообразныхъ причинъ, но они всюду въ большой зависимости и отъ того, въ какомъ направленіи дѣйствуютъ существующія кредитныя учрежденія и какіе порядки въ нихъ преобладаютъ.

У насъ кредитомъ не менѣе злоупотребляли, чѣмъ выпусками бумажныхъ денегъ, и въ настоящее время не легко опредѣлить, какой изъ этихъ двухъ видовъ злоупотребленій сильнѣй повліялъ на безотрадность нашего экономическаго положенія. Однимъ бумажнымъ деньгамъ никакъ нельзя приписать теперешняго продолжительнаго денежнаго кризиса: и при металлической валютѣ мы навѣрное также испытывали бы сильное стѣсненіе въ кредитѣ и большой недостатокъ въ деньгахъ, если бы всѣ наши банковые порядки оставались бы тѣми же, что они и теперь. Едва ли можетъ подлежать сомнѣнію и то, что лучшая постановка у насъ банковаго дѣла могла бы въ значительной мѣрѣ ослабить вредное вліяніе усиленныхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ.

Этотъ разъ мы займемся одними банками краткосрочнаго кредита и попытаемся разслѣдовать,—при чемъ они въ теперешнемъ печальномъ состояніи денежнаго рынка, какимъ слабымъ сторонамъ ихъ дѣятельности можно приписать вредное вліяніе, наконецъ, не находятся ли эти слабыя стороны въ зависимости какъ отъ нѣкоторыхъ пробѣловъ въ нашихъ гражданскихъ законахъ, такъ и отъ общихъ недостатковъ нашего банковаго законодательства. Подобное разслѣдованіе, можетъ быть, представится не излишнимъ въ настоящее время, когда все вниманіе какъ общества, такъ и Правительства, сосредоточено на поземельныхъ банкахъ, а о банкахъ краткосрочнаго кредита какъ будто совсѣмъ забыто.

Правда, въ послѣдніе годы относительно городскихъ общественныхъ банковъ были приняты довольно крутыя мѣры, изъ которыхъ нѣкоторымъ нельзя отказать въ цѣлесообразности, но онѣ едвали сколько нибудь чувствительнымъ образомъ затронутъ тѣ темныя стороны нашей банковой практики, на которыя главнымъ образомъ мы желалибы обратить вниманіе.

Говоря о банкахъ краткосрочнаго кредита, мы будемъ имѣть въ виду преимущественно провинціальные акціонерные банки, хотя многое изъ того, что мы будемъ приводить, одинаково относится какъ къ нимъ, такъ и къ обществамъ взаимнаго кредита и къ городскимъ общественнымъ банкамъ. Столичные акціонерные банки относительно

учета векселей поставлены въ болѣе благопріятныя условія, потому не всѣ наши указанія будутъ ихъ касаться.

ГЛАВА II.

Высокіе проценты. Уставы нашихъ банковъ. Учетъ на западѣ.

Учетный процентъ повсемѣстно въ Россіи черезчуръ высокъ. Если въ столицахъ онъ иногда опускается ниже 7%, за то въ провинціяхъ $8\frac{1}{2}$, 9 и 10% представляютъ собою заурядное явленіе. Городскіе общественные банки часто взымаютъ и по 12%.

Намъ могутъ сказать, что тутъ нѣтъ ничего ненормальнаго и что въ Россіи учетный процентъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть на такомъ низкомъ уровнѣ, какъ въ остальной Европѣ. Высота роста, дѣйствительно, въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ отношенія между спросомъ на капиталъ и его предложеніемъ, а что у насъ свободныхъ капиталовъ сравнительно мало, этого никто не станетъ отрицать. Однако помимо отношенія между спросомъ и предложеніемъ, на высоту роста обыкновенно вліяетъ многое другое, какъ-то: общій складъ жизни народа, строй государственныхъ его учрежденій, судебные порядки, степень обезпеченности выполненія обязательствъ, а тамъ гдѣ развиты кредитныя учрежденія, то и направленіе

ихъ дѣятельности. Отъ того, какъ поставлено въ странѣ все банковое дѣло, зависитъ очень многое; но при нашемъ изложеніи мы будемъ имѣть въ виду одни банки краткосрочнаго кредита.

Для иностраннаго изслѣдователя, не хорошо знакомаго съ условіями хозяйственной жизни Россіи, уставы нашихъ банковъ краткосрочнаго кредита въ научномъ отношеніи могутъ показаться безупречными. На самомъ дѣлѣ, при ихъ составленіи мы, повидимому, воспользовались всѣмъ, что было выработано наукою и практикою на западѣ; мы ихъ почти цѣликомъ скопировали съ лучшихъ европейскихъ уставовъ.

Съ цѣлью предупрежденія спекуляціи въ нашихъ уставахъ значительно ограничивается право покупки и продажи процентныхъ бумагъ за свой счетъ и безусловно запрещается открытіе подписокъ на новыя бумаги съ какою бы то ни было гарантіею со стороны банка.

Ссудная операція ставится въ строго опредѣленныя границы.

Для бланко кредитовъ требуется единогласное постановленіе всѣхъ членовъ управленія.

Къ учету допускаются только краткосрочные векселя и не менѣе, какъ съ двумя подписями; при этомъ опредѣленіе общей суммы учета предоставляется вполнѣ усмотрѣнію банковъ безъ всякихъ ограниченій, кромѣ впрочемъ тѣхъ, которыя обусловливаются извѣстною установленною нормою отношеній между складочнымъ капиталомъ банковъ и ихъ обязательствами.

Учетъ соло векселей съ обезпеченіемъ недвижимостью дозволяется не всѣмъ банкамъ, а только нѣкоторымъ и то въ видѣ исключенія.

Повидимому, ничего лучшаго нельзя было придумать для нашихъ банковъ, но не такъ вышло на дѣлѣ. Наша торгово-промышленная жизнь сложилась нѣсколько при иныхъ условіяхъ, и европейскіе банковые порядки оказались не совсѣмъ пригодными у насъ.

Центръ тяжести всего банковаго дѣла на западѣ лежитъ въ вексельномъ портфелѣ. Это и понятно: тамъ торговыя сдѣлки, совершаемыя на срокъ, строго въ сроки и погашаются, при чемъ малѣйшая неаккуратность въ выполненіи срочнаго обязательства опорочиваетъ торговое лицо; условія европейской жизни не уживаются съ обычными у насъ проволочками всякаго рода. Поэтому тамъ вексель имѣетъ серьезное значеніе, и когда банкиръ принимаетъ его къ учету, то почти навѣрное разсчитываетъ, что по нему платежъ поступитъ въ срокъ.

Особое предпочтеніе въ европейской банковой практикѣ дается торговымъ векселямъ, происходящимъ изъ товарныхъ сдѣлокъ. Такое происхожденіе имѣетъ дѣйствительно очень важное значеніе, когда вексельныя обязательства въ строгости выполняются и когда нарушенныя по векселямъ права безъ проволочекъ немедленно возстанавляются.

Учетъ товарныхъ векселей предполагаетъ уже сложившіяся, помимо всякаго участія банковъ, долговыя отношенія, и сложившіяся при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. Когда кто продаетъ не на наличныя, а въ кредитъ, то обыкновенно самъ бываетъ заинтересованъ, чтобы проданное нашло дальнѣйшій сбытъ, чтобы купившій не понесъ убытковъ и въ срокъ могъ бы разсчитаться. Потому

европейскій банкиръ и правъ съ своей точки зрѣнія, когда утверждаетъ, что учетъ товарныхъ векселей не создаетъ никакихъ новыхъ долговыхъ отношеній, что выдаваемыя при этой операціи деньги не обременяютъ получателя никакимъ новымъ долгомъ, что эти деньги являются для него авансомъ тѣхъ поступленій, которыя ожидались и къ сроку поступили бы къ нему сами собою.

Правда и учетъ товарныхъ векселей не совсѣмъ избавленъ отъ риска потерь. Если по какой нибудь несчастной случайности и векселедатель и предъявитель обанкротятся, то потерь никакъ не миновать. Но при такомъ учетѣ эти случайности могутъ повторяться очень рѣдко: онъ идетъ непосредственно въ слѣдъ по стопамъ дѣйствительныхъ торговыхъ оборотовъ, при томъ самыхъ краткосрочныхъ, и всегда предполагаетъ векселедателей, которымъ сама дѣловая публика не отказываетъ въ кредитѣ и продаетъ товаръ съ разсрочкою платежа. Это послѣднее обстоятельство очень важно, такъ какъ при вексельномъ кредитѣ ближайшая обязанность расплаты лежитъ на векселедателяхъ.

Чтобы лучше оцѣнить значеніе учета торговыхъ векеелей, надо обратить вниманіе еще на слѣдующее: въ числѣ банковыхъ обязательствъ бываетъ всегда не мало такихъ, которыя по первому востребованію должны быть удовлетворены. Потому для банковъ очень важно дать своимъ помѣщеніямъ такой характеръ, чтобы по сдѣланнымъ выдачамъ поступленія съ правильностью постоянно возвращались. Въ этомъ отношеніи ни одна операція не можетъ

сравниться съ серьезнымъ учетомъ. При немъ все способствуетъ такой правильности; ея не нарушаетъ даже непроизводительное употребленіе полученныхъ изъ банка денегъ, такъ какъ возвратъ этихъ денегъ лежитъ не на непосредственной обязанности тѣхъ, кто получаетъ ихъ подъ учетъ. Они привлекаются къ платежу только въ исключительныхъ случаяхъ, когда векселедатели приходятъ въ неоплатность.

Только при постоянномъ правильномъ обратномъ поступленіи сдѣланныхъ выдачъ банки могутъ стать вполнѣ хозяевами своего дѣла и по своему усмотрѣнію располагать своими оборотными средствами, расширяя и сокращая ихъ, когда они это находятъ цѣлесообразнымъ. Вотъ почему европейская банковая практика отводитъ учету векселей первое мѣсто въ ряду активныхъ своихъ операцій и почему она даетъ ему предпочтеніе даже передъ ссудами подъ залогъ процентныхъ бумагъ, хотя, повидимому, онѣ представляютъ и больше гарантій.

На то, что выдается въ ссуду, никакъ нельзя смотрѣть, какъ на авансъ имѣющихъ поступленій. Ссуды не имѣютъ за собою ничего прошлаго и не предполагаютъ никакихъ предварительныхъ сдѣлокъ, по которымъ предстояли бы срочные платежи. Потому при ссудахъ правильное обратное поступленіе сдѣланныхъ выдачъ отодвигается на задній планъ и отсрочка является самымъ обыкновеннымъ дѣломъ. Въ ссудной операцій залогъ только оберегаетъ отъ потерь, но нисколько не гарантируетъ исправнаго срочнаго платежа. Потому ссуды никогда не могутъ получить эластичности хорошаго векселнаго портфеля. Онѣ внѣ непосредственнаго контроля банковъ, и банки съ трудомъ въ состояніи ихъ сокращать, когда въ этомъ является настоятельная необходимость.

Не слѣдуетъ упускать изъ виду и того, что часто подъ форму краткосрочныхъ ссудъ маскируется предпринимательскій кредитъ, который по своей природѣ требуетъ долгосрочнаго помѣщенія. Такъ это бываетъ преимущественно при закладѣ вновь выпускаемыхъ акцій и облигацій промышленныхъ предпріятій.

Если по всѣмъ приведеннымъ причинамъ европейская банковая практика отводитъ ссудамъ, обезпеченнымъ процентными бумагами, второе мѣсто, то дѣлается понятнымъ, почему она совсѣмъ забраковываетъ ту ссудную операцію, которая у насъ извѣстна подъ названіемъ учета соло векселей съ обезпеченіемъ недвижимостью.

Учетъ этихъ векселей, помимо всѣхъ неудобствъ долгосрочныхъ ссудъ, имѣетъ еще тотъ капитальный недостатокъ, что недвижимость, служащая ихъ обезпеченіемъ, обыкновенно имѣетъ очень трудную реализуемость.

ГЛАВА III.

Учетъ у насъ. Практика поручительственнаго кредита.

Въ то время, когда въ Россіи стали открываться частные банки, кредитное дѣло было у насъ совсѣмъ въ младенческомъ состояніи, да и теперь

оно не далеко пошло. Правда и у насъ бываютъ торговыя сдѣлки съ условіемъ срочнаго платежа, и у насъ изъ такихъ срочныхъ сдѣлокъ вытекаетъ не мало векселей, но какъ эти сдѣлки, такъ и эти векселя далеко не тѣ, что на западѣ.

Мы съ большою готовностью идемъ на какія угодно обязательства, но избави Господи требовать, чтобы мы дѣйствительно въ срокъ ихъ выполнили. Давайте намъ деньги, мы смѣлою рукою подпишемъ векселъ на самый кратчайшій срокъ, и когда этотъ срокъ наступитъ, можно положиться, мы всегда будемъ на столько честны, что признаемъ свой долгъ. Но напрасно стали бы требовать отъ насъ расплаты: мы навѣрное попросили бы перемѣнить векселъ на новый срокъ. До сознанія серьезнаго значенія срока въ дѣловой жизни мы не доросли, и то, что у насъ пишется въ формѣ векселя, далеко не всегда вексель.

Купцы, у которыхъ пока не пропалъ страхъ передъ протестами, всячески избѣгаютъ векселей во взаимныхъ сношеніяхъ. У оптоваго торговца рѣдко кто соглашается купить въ кредитъ съ выдачею векселя, да и онъ самъ не настаиваетъ на этомъ, боясь потерять кліента, которому навѣрное сосѣдній торговецъ продастъ, не требуя такого документа. У нашихъ фабрикантовъ попадаются векселя, которые имѣютъ всѣ признаки товарныхъ векселей, но и они принуждены бываютъ если не переписывать ихъ на новые сроки, то при каждомъ полученіи платежа обязательно вновь отпускать товаръ: иначе имъ не погашаютъ старыхъ долговъ.

Вообще такіе солидные векселя, какъ представляемые въ нѣкоторыхъ районахъ оптовыми

торговцами на оптовыхъ торговцевъ, поставщиками сырья на фабрикантовъ или сахаро-заводчиками на рафинеровъ въ провинціяхъ большая рѣдкость. Только въ столицахъ, да въ очень немногихъ портовыхъ городахъ вексель въ Россіи имѣетъ болѣе или менѣе серьезное значеніе, въ провинціяхъ же онъ представляетъ собою по преимуществу фикцію.

Немудрено, что при такихъ своеобразныхъ условіяхъ и учетная операція сложилась у насъ своеобразно. Что торговое происхожденіе векселя далеко не представляетъ у насъ всѣхъ гарантій того, что при наступленіи срока онъ не перемѣнится, а погасится, въ этомъ наши банки должны были убѣдиться на первыхъ же шагахъ своей дѣятельности. Въ большинствѣ случаевъ у насъ платили не векселедатели, настоящіе должники, а предъявители, и эти предъявители болѣе векселедателей заботились о томъ, чтобы векселя не доводились до протеста. Объ учетѣ въ европейскомъ смыслѣ этого слова у насъ и рѣчи не могло быть.

Это дѣлаетъ понятнымъ, почему при производствѣ учетной операціи наши банки съ самаго же начала поставлены были въ необходимость заботиться не столько о томъ, чтобы принятые векселя дѣйствительно оплачивались при наступленіи сроковъ, сколько о томъ, чтобы ссуженные при учетѣ капиталы не подвергались риску потерь.

Гарантированность помѣщенія въ ихъ глазахъ пріобрѣтала гораздо болѣе важное значеніе, чѣмъ правильное обратное поступленіе сдѣланныхъ выдачъ, и потому все ихъ вниманіе естественно должно было сосредоточиться на оцѣнкѣ солидности подписей.

Когда двѣ подписи на векселяхъ бывали солидны, имъ незачѣмъ было спрашивать, изъ какой торговой сдѣлки они произошли, такъ какъ даже при полной наличности всѣхъ условій торговаго происхожденія векселей они въ большинствѣ случаевъ не оплачивались въ срокъ. Нашимъ долговымъ отношеніямъ нужны ширь и просторъ; они никакъ не вливаются въ узкія рамы срочныхъ платежей и не текутъ, какъ на западѣ, постоянно развязываясь и вновь завязываясь. Даже самыя вѣрныя торговые долги у насъ всегда являются съ преобладающимъ долгосрочнымъ характеромъ.

Такимъ образомъ оцѣнка солидности подписей получила въ нашей банковой практикѣ самое преобладающее значеніе. Изъ какой бы торговой сдѣлки ни возникалъ вексель и сколько бы эта сдѣлка не представляла гарантій, что участвующіе въ ней ни въ какомъ случаѣ не понесутъ убытковъ, банки относились, да и до сихъ поръ продолжаютъ относиться къ подписямъ участвующихъ, какъ будто бы сдѣлки совсѣмъ не было. Если солидность предъявленныхъ подписей ихъ не удовлетворяетъ, они требовали и требуютъ предъявленія новыхъ. Подобное отношеніе къ дѣлу при оцѣнкѣ векселей открыло къ банкамъ широкій доступъ лицамъ, которымъ неоткуда было достать торговыхъ векселей, но которымъ не стоило особаго труда заручиться очень благонадежнымъ поручительствомъ. Вексельный портфель нашихъ банковъ въ настоящее время достигъ громадныхъ размѣровъ, но въ провинціяхъ онъ почти цѣликомъ основанъ на поручительствѣ. Къ поручительственнымъ подписямъ прибѣгаютъ не только землевладѣльцы, домовладѣльцы, но и фабриканты, заводчики, даже купцы.

Въ этомъ заключается своеобразность нашей учетной операціи. Въ ней господствуетъ поручительство, и она представляетъ собою очень мало дѣйствительно вексельнаго.

Учетъ въ такомъ видѣ, какъ онъ сталъ у насъ практиковаться, пришелся по вкусу публикѣ. Занимать деньги она всегда любила, банки явились къ ея услугамъ и доставили ей возможность дѣлать это самымъ удобнымъ для нея способомъ. Она очень скоро приноровилась къ новымъ банковымъ порядкамъ и молодецки повела аттаку на банковые сундуки. Кредитомъ въ одномъ учрежденіи никто не довольствовался, всѣ стали заразъ кредитоваться въ нѣсколькихъ банкахъ, занимая въ однихъ и погашая долги въ другихъ, чтобы вновь занимать и вновь погашать.

Ко всему этому банки въ началѣ относились совсѣмъ пассивно. Имъ казалось, да и теперь продолжаетъ казаться, что они ведутъ свое дѣло въ высшей степени осторожно и добросовѣстно, такъ какъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ взвѣшиваютъ состоятельность кредитующихся и очень часто заставляютъ должниковъ представлять новыхъ поручителей. Правда, въ нѣкоторыхъ банкахъ не обходится безъ злоупотребленій, причемъ въ личныхъ интересахъ завѣдующихъ дѣлами и оказывается кредитъ лицамъ, совсѣмъ того не заслуживающимъ; но мы обойдемъ молчаніемъ эти отдѣльные случаи злоупотребленій, для насъ гораздо болѣе важное значеніе имѣютъ недостатки всей системы нашего банковаго кредита, взятой въ ея цѣлости.

Хотя векселя, основанные на поручительствѣ, не имѣютъ тѣхъ особенныхъ качествъ торговыхъ

№ 70580

векселей, которыя дѣлаютъ изъ нихъ самую сподручную для учета цѣнность, однако они не представляютъ собою ничего такого, что ни въ какомъ случаѣ не должно было бы быть терпимо въ банковой практикѣ. Во всѣхъ кредитныхъ сдѣлкахъ довѣріе играетъ немаловажную роль, поручительство всегда является однимъ изъ элементовъ, усугубляющихъ довѣріе, и никто не станетъ отрицать, чтобы въ отдѣльныхъ случаяхъ кредитныя сдѣлки, основанныя на поручительствѣ, не представляли бы всѣхъ гарантій исправнаго платежа. Потому не мудрено, что нѣкоторые даже увлекаются этою формою, въ какой банковый кредитъ сдѣлался у насъ преобладающимъ.

Моралистъ въ ней пожалуй можетъ усмотрѣть нѣчто этическое. Вѣдь поручительство на самомъ дѣлѣ предполагаетъ нѣкоторое сочувственное отношеніе и готовность помочь ближнему. Съ точки зрѣнія моралиста преобладаніе такой формы кредита пожалуй могло бы способствовать къ развитію въ обществѣ сознанія солидарности и къ укрѣпленію нравственнаго чувства. Но стоитъ только ближе присмотрѣться, къ чему привелъ широко практикуемый нашими банками поручительственный кредитъ, чтобъ убѣдиться, какъ легко при неумѣломъ и неосторожномъ обращеніи съ нимъ онъ можетъ совсѣмъ извратиться и какимъ неприглядным онъ можетъ стать въ дѣйствительности.

Нѣтъ, когда идетъ рѣчь о нашемъ банковомъ кредитѣ въ теперешнемъ его видѣ, то и помину не можетъ быть о какомъ бы то нибыло благотворномъ нравственномъ вліяніи. Онъ только вселяетъ взаимное неудовольствіе и порождаетъ всеобщее недовѣріе.

Болѣе обстоятельный анализъ кредита, основаннаго на поручительствѣ, будетъ сдѣланъ въ слѣдующихъ главахъ этого труда. Тутъ же мы только прослѣдимъ за нѣкоторыми главными его проявленіями въ банковой практикѣ.

Когда купецъ ручается за купца, онъ еще соблюдаетъ нѣкоторую осторожность. У него каждая копѣйка разсчитана, и онъ обыкновенно хорошо знаетъ положеніе тѣхъ лицъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣловыя отношенія. Каждый изъ нихъ самъ нуждается въ кредитѣ, потому, когда даетъ свою подпись, не безъ вниманія оставляетъ, не помѣшаетъ ли она ему самому кредитоваться, если въ этомъ предстанетъ необходимость. Но того же нельзя сказать о землевладѣльцахъ, заводчикахъ и о довольно значительномъ классѣ промышленныхъ и дѣловыхъ людей, который занимаетъ въ банковой кліентурѣ далеко не послѣднее мѣсто. Тутъ поручительство совершается многимъ легче и сами же банки способствуютъ этому.

Для нашихъ банковъ при учетѣ самое важное значеніе имѣетъ солидность подписей; потому, когда на предъявленныхъ векселяхъ вторыя или третія подписи бываютъ благонадежныя, то они безъ вниманія оставляютъ кредитоспособность тѣхъ, въ пользу которыхъ въ дѣйствительности дѣлается заемъ. Объ этомъ предоставляется судить дающимъ свои подписи. На дѣлѣ такой порядокъ ведетъ къ тому, что нерѣдко къ банковому кредиту прибѣгаютъ лица, которыя совсѣмъ того не заслуживаютъ и на деньги, добытыя изъ банковъ, затѣиваютъ предпріятія, которыя никакимъ образомъ не могутъ вестись въ кредитъ. Учетная форма маскируетъ дѣло: тутъ совсѣмъ упускается изъ

КООПЕРАТИВНЫЙ БАНК
12738
БИБЛІОТЕКА

виду, для кого берутся деньги и на какое дѣло онѣ берутся. Достаточно, чтобы подписи бланконадписателей были солидны и къ услугамъ всегда готовы банковыя деньги.

Поручительство иногда требуется дѣйствительно по краткосрочнымъ займамъ, и на практикѣ нерѣдко бываетъ, что по векселямъ, основаннымъ на поручительствѣ, долги скоро погашаются. Однако случаи переписки многимъ чаще повторяются. Если бы наши банки имѣли серьезный портфель торговыхъ векселей, то переписка являлась бы безусловнымъ злоупотребленіемъ и ни въ какомъ случаѣ не должна была бы быть терпимой въ банковой практикѣ. Но разъ нашъ учетъ основанъ на поручительствѣ, то повидимому, почему бы и не переписывать векселей, когда въ промежутокъ между двумя сроками въ положеніи дѣлъ поручителей не произошло бы никакого измѣненія къ худшему. При господствующихъ у насъ воззрѣніяхъ на учетную операцію это является такъ естественнымъ, что рѣдко какого члена всѣхъ нашихъ комитетовъ вмѣстѣ взятыхъ можно было бы убѣдить, что тутъ кроется что нибудь предосудительное или противозаконное. Научныя тонкости не про нихъ писаны.

При нашемъ поручительственномъ кредитѣ переписка векселей является заурядным дѣломъ. Остановимся нѣсколько на случаяхъ, когда при такомъ порядкѣ вещей положеніе дѣлъ какого нибудь изъ банковыхъ кліентовъ приходитъ въ упадокъ. Повидимому, тутъ требовалось бы безусловно, чтобы кредитъ ему былъ сокращенъ, чтобы онъ сдѣлалъ частичныя уплаты, а если этого онъ не въ состояніи сдѣлать, чтобы привлечены были къ платежу поручители бланконадписатели.

Разумѣется, на практикѣ бываетъ не безъ того, что банки подобнымъ образомъ поступаютъ; однако довольствованіе солидностью подписей обыкновенно на столько входитъ у нихъ въ рутину, что въ подобныхъ случаяхъ они часто оставляютъ кредитъ въ прежнемъ размѣрѣ и ограничиваются требованіемъ представленія подписей новыхъ поручителей. Вслѣдствіе этого въ запутанныя дѣла однихъ привлекаются совсѣмъ другіе, которые добровольно не пошли бы ни на какое поручительство.

Слѣдуемые съ такихъ должниковъ проценты нерѣдко приписываются къ капитальной суммѣ ихъ долга. Если иногда банки и считаютъ это неприличнымъ для себя, то обыкновенно они легко находятъ средства ставить должниковъ своихъ въ такія условія, чтобы тѣ вынуждены бывали, не взирая ни на какія лихвинныя требованія, продолжать добывать деньги, необходимыя для уплаты процентовъ, и не объявлять о прекращеніи платежей. Вслѣдствіе этого долги ихъ растутъ съ прогрессивной быстротою. Положеніе ихъ съ каждымъ днемъ дѣлается стѣснительнѣе, и когда наконецъ наступаетъ для нихъ часъ окончательнаго крушенія, въ ихъ дѣла оказывается, по милости банковъ, припутанной масса постороннихъ лицъ.

Банкротство однихъ легко могло бы повлечь за собою банкротство многихъ другихъ, но банки обыкновенно щадятъ тѣхъ, дѣла которыхъ не совсѣмъ попорчены. Векселя ихъ не протестуются, но ихъ втягиваютъ въ новую сѣть взаимныхъ поручительствъ, и при этомъ взимаютъ съ нихъ, вслѣдствіе замѣшательства въ кредитѣ, еще болѣе высокіе проценты. Такіе высокіе проценты ихъ

душатъ. Банки позволяютъ имъ жить, но эту жизнь они имъ отравляютъ.

Въ какой городъ ни загляпешь, гдѣ банки уже успѣли проявить плоды своей дѣятельности, вездѣ услышишь тѣ же жалобы. Вездѣ дѣла запутаны, вездѣ всѣ въ долгахъ, и никто не знаетъ, какъ отъ нихъ выпутаться. Но при этомъ всеобщемъ бѣдствіи хозяева банковъ пока во многихъ городахъ чувствуютъ себя хорошо и продолжаютъ широкою лопатою загребать себѣ, въ видѣ дивиденда, крупные куши.

Вотъ къ чему привела наша банковая практика съ ея широко распространеннымъ поручительственнымъ кредитомъ. Потому мы нисколько не удивляемся, что у насъ даже теперь можетъ серьезно ставиться Канкриновскій вопросъ: приносятъ ли банки больше пользы или вреда.

ГЛАВА IV.

Еще про нашъ обыкновенный учетъ. Учетъ соло-векселей. Варрантный кредитъ. Льготы по взысканіямъ.

На западѣ учетъ занимаетъ первое мѣсто въ ряду банковыхъ операцій, но у насъ не представляется никакого основанія давать ему предпочтеніе предъ ссудами. Съ русской банковой точки зрѣнія едва-ли могутъ имѣть какое нибудь серьезное значеніе доводы, приводимые обыкновенно въ доказательство того, что учетъ не создаетъ новыхъ долговыхъ отношеній, что онъ предполагаетъ уже совершившіяся торговыя сдѣлки и при условіяхъ самыхъ благопріятныхъ для правильнаго и исправнаго разсчета. Нашъ учетъ тотъ же заемъ и совсѣмъ не имѣетъ особыхъ качествъ аванса, на которыхъ такъ настаиваютъ на западѣ.

Какъ при нашемъ учетѣ, такъ и при нашихъ ссудахъ одинаково создаются совсѣмъ новыя долговыя отношенія. Въ обоихъ случаяхъ торговыя сдѣлки бываютъ впереди, причемъ одинаково трудно бываетъ опредѣлить заранѣе—будутъ-ли онѣ удачны или нѣтъ. О тѣхъ особенныхъ качествахъ вексельнаго портфеля, которыя называются эластичностью и которыя такъ высоко цѣнятся на западѣ, намъ пока нечего думать. Мы не имѣемъ, да едва ли и въ состояніи имѣть въ скоромъ будущемъ такой вексельный портфель, по которому сдѣланныя выдачи съ правильностью поступали бы обратно и который мы могли бы сокращать по своему усмотрѣнію.

Все это не мѣшало бы зарубить себѣ хорошенько тѣмъ нашимъ прожектерамъ, которые черезчуръ увлекаются своими предложеніями о регулированіи нашего бумажно-денежнаго обращенія по такъ называемому банковому способу, основанному на учетѣ векселей. Въ Англіи и во Франціи при прекращеніи размѣна банковые билеты, на самомъ дѣлѣ, потому не подвергались большому обезцѣненію, что по прежнему продолжали входить въ обращеніе преимущественно путемъ выдачъ по учету. При томъ характерѣ, какой имѣетъ учетъ на западѣ, онъ дѣйствительно можетъ быть не-

дурнымъ регуляторомъ неразмѣнныхъ билетовъ. Но у насъ правильное регулированіе бумажно-денежнаго обращенія далеко не поддается такому легкому разрѣшенію. Впрочемъ, на этихъ спорныхъ вопросахъ мы не будемъ останавливаться, такъ какъ предметъ настоящаго разслѣдованія не бумажныя деньги и не Государственный Банкъ.

Вернемся къ практикѣ нашего поручительственнаго кредита. Судя по тѣмъ сообщеніямъ, какія время отъ времени появляются въ нашей печати о томъ или другомъ банкѣ, и по тому тону, въ какомъ они пишутся, можно предположить, что у насъ до сихъ поръ далеко не всѣ имѣютъ ясное представленіе о томъ, что такое въ дѣйствительности нашъ банковый кредитъ. О немъ и очень трудно судить безъ болѣе близкаго знакомства съ нимъ на практикѣ. Положеніе чиновниковъ, которые у насъ нерѣдко попадаютъ въ банки на директорскія мѣста, въ началѣ всегда бываетъ въ высшей степени комично. По книжкамъ они знакомятся съ тѣмъ, чѣмъ долженъ быть учетъ въ дѣйствительности, и потому, когда имъ въ первые приходится имѣть дѣло съ учетомъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ практикуется нашими банками, они возмущаются и обнаруживаютъ благородное негодованіе.

Плохо достается отъ такого директора тѣмъ банковымъ клієнтамъ, которые по старому обыкновенію при наступленіи сроковъ приносятъ въ обмѣнъ новые векселя или которые вновь просятъ деньги подъ учетъ пріятельскихъ векселей. Онъ ихъ безъ церемоніи выпроваживаетъ. Но при этомъ нерѣдко ему приходится натыкаться на мѣстныхъ торговыхъ тузовъ, которые не позволятъ давать себя въ обиду и въ отвѣтъ смѣются прямо ему

въ лице. Сконфуженный директоръ обыкновенно проситъ объясненія, и тутъ между ними часто происходитъ діалогъ, въ родѣ сдѣдующаго:

— Что страннаго въ моемъ отказѣ? Предъявленный векселъ не товарнаго происхожденія.

— О какомъ товарномъ происхожденіи вы говорите? Кредитуюсь я съ самаго основанія банка и до сихъ поръ ни разу отказа не получалъ.

— Однако до сихъ поръ вы не перестаете мѣнять векселей.

— Что тутъ предосудительнаго?

— Такъ нельзя продолжать вести дѣло. Пора положить конецъ постоянной мѣнѣ.

— Вы, вѣроятно, смѣшиваете меня съ тѣми сомнительными должниками, которыхъ банки сотнями кредитуютъ. Мое состояніе всѣмъ извѣстно. Банкъ мнѣ спасибо долженъ сказать за то, что я не плачу, а мѣняю векселя. Этимъ я даю ему наживу.

— Банкъ дѣйствительно хорошо знаетъ про ваше богатство и вамъ ничто не помѣшало бы продолжать кредитоваться. Но зачѣмъ постоянно мѣнять тѣже векселя?

— Какъ будто для банка не все одно, буду ли я представлять векселя съ новыми подписями или со старыми? Для васъ важно, чтобы подписи были солидны.

— Банку нужны торговые векселя.

— Чѣмъ же предъявляемый не торговый? И я купецъ, и векселедатель купецъ.

— Правда, вы оба купцы, но предъявляемый вами векселъ не происходитъ изъ дѣйствительной торговой срочной сдѣлки: иначе ваши долги когда нибудь да погашались бы. Согласитесь, что вамъ подпись дана только изъ одолженія.

— Я нисколько не скрываю этого. Тѣмъ не менѣе предъявляемый мною вексель ничѣмъ не хуже другихъ.

— Вы навѣрное со многими находитесь въ дѣловыхъ сношеніяхъ и многимъ продаете въ кредитъ. Представляйте векселя, происходящія изъ дѣйствительныхъ сдѣлокъ, и вы не услышите никакихъ замѣчаній.

— Значитъ, для банка векселя различныхъ оборванцевъ лучше такого солиднаго векселя.

— Зачѣмъ непремѣнно оборванцевъ?

— Да потому, что наша кліентура состоитъ по преимуществу изъ такихъ лицъ, которымъ банкъ гроша мѣднаго не довѣрилъ бы. Это все темный людъ. Только мы одни, благодаря нашей ловкости и знанію дѣла, въ состояніи ладить съ ними.

— Тѣмъ хуже для васъ, что вы имѣете дѣло только съ такого рода лицами. Это должно заставить банкъ и по отношенію къ вамъ быть осторожнѣе.

—«На счетъ этого уже извините». И тутъ купецъ изъ за пазухи вынимаетъ кипу векселей— все лучшихъ фирмъ въ городѣ, «Имѣемъ мы и такіе векселя, но они не для васъ.

— Почему же?

— А потому, что когда мы обращаемся въ банкъ и занимаемъ деньги, то желаемъ имѣть для себя свой счетъ въ полной ясности и знать, что дѣйствительными должниками состоимъ мы сами.

— Однако, въ данномъ случаѣ вы не векселедатель, а предъявитель; значитъ, настоящимъ должникомъ являетесь не вы, а другой.

— Ничуть не бывало.

— Я васъ совсѣмъ не понимаю.

— Не понимаете потому, что вы все по теоріи судите, а съ жизнью совсѣмъ не знакомы. У насъ такъ водится: когда намъ нужны деньги, намъ другіе подписываютъ, а мы учитываемъ. Наоборотъ когда другимъ нужны деньги, мы только подписываемъ, а объ учетѣ они сами заботятся. Такъ каждый знаетъ свое дѣло. Кто учитываетъ, тотъ и платитъ.

— Это безобразіе. Вы совсѣмъ извращаете долговыя отношенія. Довольно. Я не приму у васъ другихъ векселей, кромѣ тѣхъ, которые вы мнѣ только что показывали.

— Они не для учета.

— Я опять совсѣмъ васъ не понимаю.

— Неужели вы думаете, что если мы беремъ срочные векселя, то въ срокъ и требуемъ платежа. У насъ векселя идутъ своимъ порядкомъ, а счеты своимъ порядкомъ. Векселя мы беремъ только для страху, чтобы въ случаѣ чего нибудь можно было напугать протестомъ. Аккуратныхъ плательщиковъ на Руси нѣтъ. Тутъ надо за всякимъ слѣдить, кто, кому, что и когда продалъ, чтобы знать у кого когда оказываются свободныя деньги. Если должника въ расплохъ не застать, то никогда нельзя получить отъ него уплаты долга.

— Однако публика боится банковъ. Черезъ наше посредство скорѣе можно получить платежъ.

— Прежде мы тоже такъ думали, но опытъ убѣдилъ насъ въ противномъ. Пока мы держимъ у себя въ карманѣ векселя, должники не отказываютъ намъ въ платежѣ и до срока, если у нихъ почему нибудь заводятся деньги. Но послѣ того, какъ разъ векселя попали въ банкъ, о досрочномъ платежѣ и думать нельзя. Къ сроку же у

нашихъ должниковъ никогда не оказывается свободныхъ денегъ.

— Все же эти векселя не такъ часто мѣнялись бы.

— Кромѣ всѣхъ приведенныхъ соображеній и собственный разсчетъ не позволяетъ предъявлять ихъ къ учету. Благоразумно ли было бы съ нашей стороны закрывать кредитъ нашимъ кліентамъ?

— Банку не можетъ быть дѣла до подобныхъ вашихъ соображеній.

— Я вижу, что вы черезчуръ подозрительны. Мнѣ не хочется обращаться къ постороннимъ лицамъ, но я легко могъ бы обезпечить предъявляемый векселъ дополнительною подписью моей жены, которая имѣетъ значительное собственное состояніе. Если вы и на это не согласитесь, Богъ съ вами; у меня обширный кредитъ, найду я деньги и въ другихъ банкахъ.

Тутъ мимоходомъ мы не можемъ не обратить вниманія на то, что женины векселя, по отзыву многихъ хорошихъ знатоковъ нашего банковаго дѣла, признаются за самые благонадежные въ портфелѣ русскихъ провинціальныхъ банковъ. Помимо того, что они гарантируютъ отъ потерь въ случаѣ перевода имущества, по нимъ рѣдко дѣла доводятся до взысканія, такъ какъ къ подобнаго рода взысканіямъ многія относятся, какъ къ опозоривающимъ семейную честь.

Какъ ни дико для директора новичка все, что онъ при этомъ слышитъ, но онъ мало по малу начинаетъ склоняться къ тому, что тутъ есть своя логика. Въ виду исключенія онъ соглашается принять векселъ у купца на предлагаемыхъ имъ условіяхъ. Дѣлается это въ видѣ исключенія одинъ

разъ, другой разъ, но не проходитъ и мѣсяца послѣ вступленія въ должность такого директора, какъ онъ совсѣмъ забываетъ про всякую теорію и вполнѣ входитъ во вкусъ поручительственныхъ подписей. Онъ не только болѣе имъ не противится, но, напротивъ, начинаетъ изощрять свои способности въ удачной ихъ комбинировкѣ. Скоро изъ него дѣлается образцовый мастеръ своего дѣла, и тутъ его можно уже видѣть, какъ онъ самъ учитъ кліентовъ, къ кому обратиться за поручительствомъ, въ какой суммѣ и на какой срокъ выдать контръ-векселъ и вообще какія условія предложить, чтобы только не получить отказа. Что счеты по контръ-векселямъ, продолжаясь изъ года въ годъ, запутываются до такой степени, что въ концѣ концевъ никакъ нельзя бываетъ разобрать, кто кому и сколько остается долженъ, до этого ему уже дѣла нѣтъ. Все это касается самихъ кліентовъ, а не затрогиваетъ непосредственно банковыхъ интересовъ, оберегать которые онъ считаетъ себя призваннымъ.

Когда какой нибудь изъ состоятельныхъ должниковъ при наступленіи сроковъ дѣлаетъ намекъ о намѣреніи совершить заемъ въ другомъ банкѣ для погашенія долга, то этотъ самый директоръ проситъ не утруждать себя напрасно и предлагаетъ представить для обмѣна новый векселъ безъ всякаго предварительнаго платежа. Онъ теперь по своему печется о выгодахъ банка и старается, чтобы нажива напрасно не переходила въ чужія руки. Его даже не шокируетъ, когда въ банкъ приносятъ пустые вексельные бланки и когда векселя пишутся въ его присутствіи. Онъ себя утѣшаетъ, что при такомъ порядкѣ дѣло будетъ стоять вѣрнѣе и вно-

слѣдствіи не можетъ быть никакихъ споровъ о подлогѣ.

Въ началѣ резонерствовавшаго директора скоро совсѣмъ нельзя бываетъ узнать. Такова уже сила вещей, что сама необходимость заставляетъ почти всякаго, кто входитъ въ наше банковое дѣло, подчиняться господствующему въ немъ теченію.

Между тѣмъ это теченіе имѣетъ самыя непривлекательныя стороны. Банковаго нашего дѣла никакъ нельзя оставлять въ томъ видѣ, какъ оно до сихъ поръ велось. Оно уже успѣло привесть къ нѣкоторымъ плачевнымъ результатамъ, а въ будущемъ зло легко можетъ значительно усилиться. Но какъ тутъ быть? О серьезномъ вексельномъ кредитѣ пока нечего и думать, такъ какъ для него совсѣмъ нѣтъ почвы въ условіяхъ нашей хозяйственной жизни. Между тѣмъ нельзя и оставить безъ удовлетворенія потребности въ личномъ кредитѣ, которая на каждомъ шагу даетъ о себѣ знать самымъ чувствительнымъ образомъ. Правда, въ настоящее время очень многое способствуетъ къ извращенію кредита, основаннаго на поручительствѣ, однако безъ его услугъ пока нельзя обойтись; какъ бы онъ ни былъ шатокъ, а съ нимъ надо ужиться. Но обращаясь къ его услугамъ, никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду, что въ немъ мы имѣемъ опасное орудіе, которое при неосторожномъ обращеніи одинаково можетъ угрожать какъ тѣмъ, кто непосредственно имъ пользуется, такъ и всѣмъ окружающимъ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы попытаемся уяснить, въ чемъ заключаются требованія осторожнаго обращенія съ поручительствомъ, подъ вліяніемъ какихъ условій слабыя его стороны усиливаются и, наконецъ, какимъ образомъ могло бы

быть парализовано вредное дѣйствіе этихъ условій. Но предварительно мы остановимся на тѣхъ видахъ банковаго кредита, развитіе которыхъ могло бы нѣсколько ослабить необходимость въ постояномъ обращеніи къ услугамъ поручительства.

Начнемъ съ той ссудной операціи, которая извѣстна подъ названіемъ учета соло-векселей съ обезпеченіемъ недвижимостью. Западно-европейская банковая практика безусловно забраковываетъ эту операцію, но едва-ли было бы основательно подвергать ее такому же осужденію и въ Россіи. Мы далеки отъ того, чтобы оспаривать ея неудобства для банковъ краткосрочнаго кредита. Безспорно эти неудобства существуютъ, но всякое неудобство должно быть разсматриваемо относительно. Если бы мы имѣли солидный вексельный портфель въ европейскомъ смыслѣ этого слова, то вопросъ у насъ ставился бы совсѣмъ иначе. Однако такого портфеля у насъ нѣтъ, и еще долго учитываемые нашими банками векселя будутъ представлять собою по преимуществу долгосрочное помѣщеніе, а при такихъ условіяхъ не можетъ быть серьезнаго основанія безусловно противиться учету соловекселей.

Съ точки зрѣнія вѣрности помѣщенія такой учетъ ничѣмъ не уступалъ бы обыкновенному нашему учету, но за то имѣлъ бы то преимущество, что при немъ въ долговыя отношенія однихъ не припутывались бы другіе и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ приходилось бы сообразовываться со средствами тѣхъ, въ пользу которыхъ совершается заемъ.

Разумѣется, если учетъ соло-векселей получилъ бы широкое распространеніе и по характеру

своему приблизился бы къ тѣмъ долгосрочнымъ помѣщеніямъ, какія дѣлаются поземельными банками и городскими кредитными обществами, то это представило бы серьезную опасность для банковъ краткосрочнаго кредита. Но ничто не мѣшаетъ обставить это дѣло такъ, чтобы размѣръ выдачъ сообразовался не столько съ оцѣночною стоимостью представляемыхъ обезпеченій, сколько съ кредитоспособностью заемщиковъ, и чтобы вообще всей операціи дано было лишь ограниченное распространеніе.

Судя по тому, что съ прошлаго года Государственному Банку, его конторамъ и отдѣленіямъ разрѣшенъ учетъ соло-векселей, надо предположить, что въ нашихъ законодательныхъ сферахъ миновало то предубѣжденіе противъ этой формы банковаго кредита, которое господствовало въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ, когда основывались наши акціонерные банки и когда предавались тѣмъ сладкимъ иллюзіямъ, что стоитъ только скопировать уставы европейскихъ банковъ и вексельный кредитъ явится самъ собою. Эти иллюзіи уже прошли, и теперь не должно встрѣтиться серьезныхъ препятствій къ значительному расширенію области примѣненія операціи, о которой у насъ идетъ рѣчь. При этомъ однакожъ слѣдовало бы обратить серьезное вниманіе на нѣкоторыя дополненія въ нашихъ гражданскихъ законахъ, чтобы обезпечить въ случаяхъ споровъ банки отъ проигрыша совсѣмъ вѣрныхъ дѣлъ. Наша судебная хроника уже знакома съ кляузными процессами по соло-векселямъ, въ которыхъ претензіи банковъ оспаривались то потому, что они не совершали формальныхъ закладныхъ и не уплачивали крѣпостныхъ пошлинъ, то потому, что при перемѣнѣ векселей они не снимали прежнихъ запрещеній и не накладывали новыхъ. Всѣ подобнаго формальнаго характера вопросы должны были бы быть въ точности законодательствомъ опредѣлены и никакъ не подлежать разнорѣчивому толкованію.

Учетъ соло-векселей представляетъ собою ту форму банковаго кредита, которая съ большимъ удобствомъ могла бы практиковаться въ особенности по отношенію къ землевладѣльцамъ, прибѣгающимъ къ кредиту для годичныхъ хозяйственныхъ своихъ оборотовъ.

Среди торговцевъ пользованіе поручительственнымъ кредитомъ могло бы быть ослаблено развитіемъ ссудъ подъ товары. Къ сожалѣнію эта операція представляетъ собою большія трудности при практическомъ примѣненіи, которыя заставляютъ купцовъ воздерживаться отъ ея услугъ. Только устройство товарныхъ складовъ и правильная постановка варрантнаго дѣла могли бы подвинуть впередъ товарный кредитъ. Этому дѣлу у насъ положенъ былъ починъ основаніемъ Орловскаго общества товарныхъ складовъ, но при этомъ какъ будто нарочно сдѣлано было все, чтобы оно не имѣло дальнѣйшаго успѣха.

Какъ можно было бы судить по достигнутымъ результатамъ въ нѣкоторыхъ европейскихъ городахъ, гдѣ варрантное дѣло давно уже получило широкое примѣненіе, успѣшность его обусловливается главнымъ образомъ такою его постановкой, при которой залогъ товара не лишаетъ товарохозяевъ возможности распоряженія заложеннымъ товаромъ. Для этого въ варрантныхъ учрежденіяхъ на западѣ имѣются различные документы, изъ которыхъ одни

представляютъ собою залоговое право, другіе свидѣтельство на храненіе. У насъ на все это не было обращено никакого вниманія, и потому варрантное дѣло такъ и осталось въ зародышѣ.

Если бы нашими законами допускались въ пользу банковъ нѣкоторыя отступленія отъ общихъ правилъ по наложенію запрещенія и по производству взысканія, то помимо уже указанныхъ обезпеченій, они съ большою пользою для дѣла могли бы прибѣгать къ услугамъ обезпеченій совсѣмъ другаго рода.

Въ нашей банковой практикѣ нерѣдки случаи въ родѣ слѣдующихъ: проситъ денегъ подрядчикъ, представляющій удостовѣреніе казеннаго управленія, изъ котораго видно, что за исполненную поставку ему причитается извѣстная сумма, которая и будетъ выдана въ опредѣленный срокъ. Ему отказывается и у него требуется предъявленіе векселя со второю благонадежною подписью.

Подобнаго рода удостовѣренія выдаются во множествѣ городскими управами, земствами, управленіями желѣзныхъ дорогъ.

Отказывается помѣщику, у котораго жатва уже снята, который запродалъ уже свой хлѣбъ и въ рукахъ держитъ условіе, по которому ему немедленно будетъ заплочено, какъ только онъ доставитъ запроданное.

Отказывается купцу, который обязался доставить фабрикѣ въ продолженіи года извѣстное количество сырья, который успѣлъ уже доставить его сполна, но имѣетъ получить разсчетъ въ концѣ года.

Отказывается богатому домовладѣльцу, предъявляющему контрактъ арендатора, изъ котораго

видно, что ему плата производится помѣсячно и что имѣющееся ему быть уплаченнымъ въ продолженіи года на многое больше той суммы, какую онъ проситъ въ займы.

Всѣмъ имъ одинаково ставится требованіе предъявленія векселей съ благонадежными подписями, такъ какъ представляемыя ими условія, удостовѣренія и контракты для банковъ не имѣютъ особаго значенія. Если бы банки и накладывали арестъ на поступленія, ожидаемыя по подобнаго рода документамъ, то они ничѣмъ не были бы гарантированы противъ того, что до наступленія срока не было бы начато взысканіе съ ихъ предъявителей совсѣмъ посторонними лицами. Этимъ же постороннимъ лицамъ законъ не воспрещаетъ обращать взысканія на тѣ самыя поступленія, на которыя банки предварительно могли наложить арестъ.

Правда во всѣхъ уставахъ нашихъ банковъ повторяется параграфъ, дозволяющій учетъ документовъ, основанныхъ на торговыхъ сдѣлкахъ, но этотъ параграфъ безъ льготъ по взысканіямъ остается мертвою буквою закона. Между тѣмъ, если бы запрещеніямъ, налагаемымъ банками при учетѣ такихъ документовъ, давался извѣстнаго рода пріоритетъ, въ силу котораго они получали бы при взысканіяхъ преимущественное удовлетвореніе, то они учитывали бы ихъ довольно часто и этимъ избавлялись бы отъ необходимости такъ сильно потворствовать искусственному созданію дутыхъ векселей, какъ сильно они потворствуютъ теперь.

ГЛАВА V.

Условія осторожнаго обращенія съ поручительственнымъ кредитомъ. Погоня за высокимъ дивидендомъ. Легкій кредитъ. Взваливаніе на другихъ ожидаемыхъ потерь. Дальнѣйшее кредитованіе несостоятельныхъ должниковъ. Акціонеры нашихъ банковъ.

Какое бы широкое развитіе ни получили всѣ разсмотрѣнные нами виды обезпеченій, къ нимъ едва ли можетъ быть пріурочено большинство кредитныхъ сдѣлокъ, совершаемыхъ нашими банками.

Характеръ хозяйственной дѣятельности многихъ банковыхъ клієнтовъ таковъ, что они не могутъ при каждомъ займѣ представлять имущественнаго обезпеченія; часто нѣкоторые изъ нихъ вступаютъ дѣйствительно въ краткосрочныя сдѣлки, ради которыхъ не стоитъ дѣлать затратъ на оформленіе обезпеченій; наконецъ, въ очень многихъ случаяхъ время не терпитъ, а деньги необходимо бываетъ достать въ большой спѣшности. Вообще весьма обширна та сфера, въ которой потребность въ личномъ кредитѣ даетъ о себѣ знать чувствительнымъ образомъ, и едва ли можно было бы перебрать всѣ случаи необходимости обращенія къ его услугамъ.

Разумѣется, ничего лучшаго нельзя было бы пожелать, какъ если бы можно было удовлетворять этой потребности учетомъ дѣйствительныхъ векселей. Но, какъ мы видѣли, условія нашей хозяйственной жизни мало благопріятствуютъ этому, и потому поручительственной формѣ личнаго кредита суждено еще на долго остаться у насъ преобладающею.

Поручительственный кредитъ всегда будетъ уступать вексельному. Правда и въ вексельномъ кредитѣ довѣріе играетъ очень важную роль, но помимо довѣрія онъ имѣетъ всегда подъ собою прочную хозяйственную почву и какъ бы воплощаетъ въ себѣ ту работающую въ долгъ производительную предпріимчивость, успѣшность которой почти несомнѣнна. Если при немъ время отъ времени повторяются потрясенія въ кредитѣ, то они обыкновенно бываютъ скоропреходящи и даютъ мѣсто новому оживленію. Того же нельзя сказать о поручительственномъ кредитѣ. Онъ съ большою легкостью теряетъ подъ собою хозяйственную почву и съ такою же легкостью пріурочивается исключительно къ одному довѣрію. Однако, при осторожномъ и умѣломъ обращеніи съ нимъ, можно было бы не отрывать его отъ той почвы, оставаясь на которой, онъ приносилъ бы несомнѣнную пользу и не извращался бы такъ, какъ онъ теперь извращается. Потому едва ли было бы справедливо подвергать его безусловному осужденію, основываясь на однихъ тѣхъ печальныхъ результатахъ, къ какимъ привела наша банковая практика.

Каковы же условія осторожнаго обращенія съ поручительственнымъ кредитомъ? Ихъ немного, но это тѣмъ сильнѣе дѣлаетъ необходимость строгаго ихъ соблюденія.

Практика разсматриваемаго кредита должна быть такъ обставлена, чтобы поручители въ дѣй-

ствительности оставались поручителями, и чтобы платежи производились преимущественно тѣми, въ чью пользу дѣлается заемъ. Для этого при каждой выдачѣ слѣдовало бы сообразовываться не столько съ имущественнымъ положеніемъ поручителей, сколько съ состоятельностью тѣхъ, кто пользуется займомъ.

Перемѣна документовъ при поручительственномъ кредитѣ могла бы быть терпима, но никакъ не должна была бы получить широкаго развитія. При такомъ развитіи у поручителей отнимается возможность слѣдить за измѣненіями въ положеніи дѣлъ тѣхъ, за которыхъ они ручаются, а банки упускаютъ изъ виду, кого именно они кредитуютъ, и считаютъ одинаковыми должниками какъ непосредственныхъ заемщиковъ, такъ и поручителей.

При неудачномъ ходѣ дѣлъ заемщиковъ слѣдовало бы по мѣрѣ возможности скорѣе кончать съ ними счеты и затѣмъ немедленно списывать въ убытокъ ожидаемыя потери. Въ практикѣ поручительственнаго кредита дальнѣйшее кредитованіе неблагонадежныхъ должниковъ имѣетъ самое вредное вліяніе.

Списанію въ убытокъ неблагонадежныхъ долговъ всегда слѣдовало бы давать предпочтеніе передъ обезпеченіемъ такихъ долговъ новыми поручительственными подписями.

Соблюденіе этихъ требованій осторожности представляетъ большія трудности при господствующемъ направленіи въ дѣятельности нашихъ банковъ. Они часто нарушаются какъ при первоначальномъ кредитованіи заемщиковъ, такъ и при дальнѣйшемъ веденіи съ ними счетовъ. Условія, способствующія такому частному нарушенію, по природѣ своей, весьма разнообразны, причемъ далеко не всѣ непосредственно зависятъ отъ самихъ банковъ и отъ лицъ, которымъ довѣряется веденіе ихъ дѣлъ. Тутъ кромѣ установившихся въ банкахъ порядковъ и традицій, не безъ вліянія, какъ нѣкоторые пробѣлы въ нашихъ законахъ относительно несостоятельныхъ должниковъ и способовъ взысканія съ нихъ долговъ, такъ и нѣкоторые своеобразные нравы и воззрѣнія, сложившіеся въ нашей хозяйственной жизни; наконецъ—сами уставы нашихъ банковъ. Но какъ ни разнообразны эти условія, вліяніе ихъ всѣхъ группируется вокругъ одной доминирующей черты въ дѣятельности банковъ, общей имъ всѣмъ и выражающейся въ погонѣ съ ихъ стороны за высокой наживой. Потому мы ихъ и разсмотрѣли въ связи съ этою доминирующею чертою.

Въ первые годы, пока дѣла банковъ не успѣваютъ еще запутаться, они такъ избаловываютъ всѣхъ крупными дивидендами, что и впослѣдствіи съ банковымъ дѣломъ никто не хочетъ мириться безъ такого дивиденда. Акціонеры банковъ кромѣ дивиденда ни о чемъ другомъ слышать не желаютъ. Члены обществъ взаимнаго кредита не менѣе падки до крупнаго дивиденда. Исключенія не составляютъ и городскія общественныя управленія, которымъ принадлежитъ право распоряженія доходами городскихъ общественныхъ банковъ. Всѣхъ ихъ болѣе всего занимаетъ высокая нажива, и это ставитъ всѣ банки на скользкій путь.

Въ погонѣ за высокимъ дивидендомъ банки всячески стараются утилизировать всѣ свободныя средства и никому не отказываютъ въ кредитѣ, когда представляются солидныя подписи. Для кого изъ подписавшихся нужны деньги и на какое дѣло, это ими оставляется совсѣмъ безъ вниманія. Отъ такого отношенія къ дѣлу поручитель перестаетъ быть тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть на самомъ дѣлѣ, и дѣлается не только солидарно отвѣтственнымъ лицомъ, но и главнымъ плательщикомъ, причемъ ставится въ необходимость очень часто расплачиваться за чужіе грѣхи.

Не меньшаго осужденія заслуживаютъ пріемы, которыхъ придерживаются банки по отношенію къ своимъ должникамъ, когда дѣла этихъ приходятъ въ упадокъ. Изъ опасенія списать въ убытокъ болѣе или менѣе значительныя суммы они всячески избѣгаютъ заключенія съ ними счетовъ и всякими мѣрами стараются заставить ихъ отыскать новыя поручительственныя подписи.

При первоначальномъ займѣ поручитель обыкновенно самъ обращается въ банкъ и самъ хлопочетъ о выдачѣ денегъ. Онъ въ большинствѣ случаевъ бываетъ хорошо знакомъ съ имущественною состоятельностью тѣхъ, въ пользу которыхъ ручается, и знаетъ для какого дѣла даетъ свою подпись. Не то бываетъ съ дополнительными поручительственными подписями, которыя даются по требованію банковъ. Когда положеніе дѣлъ заемщиковъ приходитъ въ такой упадокъ, что банки грозятъ имъ протестомъ, близкія имъ лица обыкновенно остерегаются входить съ ними въ дѣловыя сношенія. Но имъ во что бы ни стало нужно бываетъ раздобыть новыхъ поручителей, потому

они вынуждены бываютъ раздувать выгодность своихъ предпріятій и не останавливаться даже передъ обманомъ. Если иногда имъ удается, то это бываетъ вслѣдствіе приставанья и такого неотвязчиваго приставанья, что никакъ нельзя бываетъ отказать. Въ большинствѣ случаевъ они пользуются довѣрчивостью простаковъ, но нерѣдко попадаютъ и въ лапы кулаковъ, которые ихъ опутываютъ такими неустоичными условіями, что черезъ какой нибудь годъ все ихъ состояніе переходитъ за безцѣнокъ въ руки благодѣтелей.

Роль, какая при этомъ выпадаетъ на долю банковъ, бываетъ во всякомъ случаѣ неблаговидна. Если поручитель довѣрчивый простакъ, то онъ неминуемо несетъ потери, и эти потери причиняются ему не безъ участія банковъ. Если онъ кулакъ и знаетъ на какое дѣло идетъ, то его хищническая эксплуатація творится также не безъ содѣйствія банковъ.

Впрочемъ, мы оставимъ въ сторонѣ, насколько удовлетворяютъ требованіямъ нравственности пріемы, которыми банки избавляютъ себя отъ потерь, такъ какъ если ихъ разсматривать даже чисто съ дѣловой точки зрѣнія, то и въ этомъ случаѣ они не могутъ быть признаны безупречными. Какою бы похвальною практичностью ни считалось умѣніе взваливать на чужія плечи потери, которыя по справедливости самому слѣдовало бы нести, но когда такое взваливаніе на чужія плечи входитъ въ постоянную систему дѣйствія, и когда банки не иначе кончаютъ счеты со своими несостоятельными должниками, какъ втягивая въ ихъ запутанныя дѣла совсѣмъ посторонніхъ лицъ, то еще вопросъ, не приносятъ ли они сами себѣ больше вреда, чѣмъ пользы.

Ни одна потеря не обходится безъ нѣкотораго стѣсненія, но такое стѣсненіе дѣлается особенно чувствительнымъ, когда постоянно приходится нести потери по чужой винѣ и расплачиваться за другихъ. Частыя и значительныя потери на поручительствѣ обыкновенно запутываютъ дѣла всѣхъ и производятъ сильное замѣшательство въ долговыхъ отношеніяхъ. Когда такое замѣшательство наступаетъ, оно неминуемо отражается на положеніи самихъ банковъ. Платежи къ нимъ поступаютъ туго, исправная расплата дѣлается рѣдкостью, приливъ вкладовъ совсѣмъ прекращается, съ текущихъ счетовъ клієнтовъ исчезаютъ послѣдніе остатки. Въ такомъ положеніи дѣла всякъ проситъ о разсрочкѣ, и сами банки хорошо сознаютъ, что было бы опасно усиленно настаивать на платежахъ. Потому переписка векселей окончательно входитъ въ систему веденія банковаго дѣла, и у банковъ отнимается всякая возможность соблюденія какой бы то ни было осторожности. Съ теченіемъ времени положеніе ихъ дѣлается на столько критическимъ, что они наконецъ вынуждены бываютъ къ принятію самыхъ крутыхъ мѣръ. Тутъ имъ волею неволею приходится мириться съ болѣе крупными потерями, которыхъ никакъ нельзя бываетъ взваливать на другихъ.

Разумѣется, никто не станетъ винить банки за ихъ усилія оберечь себя отъ потерь. Такія усилія они должны дѣлать не только въ интересахъ акціонеровъ, но и въ интересахъ вкладчиковъ, довѣряющихъ имъ свои свободныя сбереженія, но это нисколько не оправдываетъ всѣхъ ихъ мѣръ, принимаемыхъ съ этою цѣлью.

Остановимся на другой слабой сторонѣ въ банковой практикѣ, связанной съ кредитованіемъ неблагонадежныхъ должниковъ. Въ дѣловомъ мірѣ считается не только непрактичнымъ, но и непристойнымъ дѣломъ притѣсненіе должниковъ при началѣ упадка ихъ дѣлъ, и на это имѣются весьма основательныя причины. Критическія минуты бываютъ въ жизни каждаго коммерсанта; крутыя мѣры въ такое время могли бы погубить любаго изъ нихъ, даже самаго сильнаго. Когда они переживаютъ такія минуты, благоразуміе, напротивъ, требуетъ не отказывать имъ въ поддержкѣ. Въ практической жизни много примѣровъ тому, какую существенную пользу приноситъ своевременно оказанная помощь и какъ часто она спасаетъ погибающихъ.

Но всему есть мѣра. Положеніе нѣкоторыхъ должниковъ иногда дѣлается настолько шаткимъ, что о ихъ спасеніи не можетъ быть и рѣчи. Оказываемая имъ помощь въ подобныхъ случаяхъ служитъ только къ пущей ихъ гибели. Если тутъ банки опасаются протестовъ, то это бываетъ уже не въ интересахъ клієнтовъ, а въ интересахъ акціонеровъ. Оттягиваніе протестовъ позволяетъ не дѣлать должныхъ списываній въ убытокъ неблагонадежныхъ долговъ и раздавать акціонерамъ фиктивный дивидендъ. Такое оттягиваніе протестовъ нисколько не устраняетъ необходимости принятія впослѣдствіи крутыхъ мѣръ. Эти мѣры въ концѣ концовъ всегда принимаются, но уже поздно, когда горю никакимъ другимъ образомъ нельзя бываетъ помочь. Только подобнымъ отношеніемъ къ дѣлу объясняется, почему въ нашей банковой практикѣ такъ мало случаевъ удачныхъ

мировыхъ сдѣлокъ и почему мы несемъ по протестованнымъ векселямъ такія крупныя потери.

Изъ послѣдующихъ страницъ настоящаго труда, посвященныхъ практикѣ мировыхъ сдѣлокъ, читатель увидитъ, въ какой зависимости находится ихъ успѣшность отъ предварительнаго списанія неблагонадежныхъ долговъ въ убытокъ. Безъ этого списанія предстоящія потери откладываются изъ года въ годъ, пока все увеличиваясь, они не достигаютъ подавляющихъ размѣровъ. Помимо того, что такой образъ дѣйствія банковъ убыточенъ для нихъ самихъ, онъ имѣетъ еще ту вредную сторону, что дѣйствуетъ на публику деморализирующимъ образомъ, разжигая въ ней самыя дурныя любостяжательныя склонности.

Поддерживаемые банками несостоятельные должники всячески стараются скрыть дѣйствительное положеніе своихъ дѣлъ. Расходы ихъ не только не сокращаются, но, напротивъ, увеличиваются, при этомъ они позволяютъ себѣ даже излишнюю роскошь, чтобы увѣрить всѣхъ, что дѣла ихъ далеко не въ упадкѣ. Обыкновенно такіе должники никого не просятъ о разсрочкѣ и со всѣми аккуратно разсчитываются. Но напрасно ихъ спросили бы, гдѣ и на какихъ условіяхъ находятъ они деньги для правильныхъ расплатъ,—это составляетъ ихъ сокровенную тайну, и кромѣ ихъ самихъ, объ этомъ можетъ знать только одинъ Всевѣдущій Богъ. Они пускаютъ въ ходъ все, чтобы только пустить пыль въ глаза. Платимые ими высокіе проценты представляютъ всеобщій соблазнъ и мало по малу къ нимъ стекаютъ сбереженія со всѣхъ сторонъ. Такъ какъ въ случаѣ требованія платежа они въ этомъ никому не отказываютъ, потому при

наступленіи сроковъ обыкновенно ихъ самихъ упрашиваютъ, чтобы они не возвращали занятыхъ денегъ, а по прежнему продолжали платить высокіе проценты. Къ высокимъ процентамъ публика такъ привыкаетъ, что она ни о какомъ самомъ вѣрномъ помѣщеніи слышать не хочетъ, когда предлагаютъ болѣе или менѣе человѣческія условія.

Погоня за высокими процентами дѣлается своего рода заразительнымъ зудомъ. Ни общественное положеніе, ни высокій санъ, ни слава оружія, ни невинность юности, ни сѣдина старости, ни даже безупречное прошлое не оберегаютъ отъ этой заразы. Ростовщичество перестаетъ представлять собою что нибудь предосудительное. Такой кредитный развратъ у насъ можно встрѣтить во многихъ провинціяхъ. Вообще ослѣпленіе длится до перваго крупнаго банкротства. Тутъ понесенныя потери нагоняютъ всеобщую панику. Немедленная расплата начинаетъ требоваться даже у тѣхъ, состоятельность которыхъ не представляетъ никакихъ опасеній, и рѣшительно ни для какого дѣла нельзя бываетъ достать денегъ.

Такое положеніе дѣлъ у насъ въ провинціяхъ называютъ кризисомъ, но оно не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ, что обыкновенно принято подразумѣвать подъ кризисами. При кризисахъ угнетеніе чередуется съ оживленіемъ. Но наши провинціальные кризисы угнетеніемъ начинаются и угнетеніемъ заканчиваются; въ промежуткѣ не бываетъ ни одного момента, когда можно было бы свободно вздохнуть.

Мы далеки отъ того, чтобы винить во всемъ этомъ одни банки. Тутъ дѣйствуютъ и причины гораздо болѣе общаго характера, тѣсно соприка-

сающіяся какъ съ нашимъ воспитаніемъ, такъ и съ общимъ складомъ нашей жизни. Отъ дѣйствія этихъ причинъ не въ малой мѣрѣ зависитъ, что у насъ не только въ банковомъ дѣлѣ, а и во многихъ другихъ общественныхъ дѣлахъ все, какъ будто по велѣнію какого-то злосчастнаго рока, идетъ какъ-то не ладно. Но во всякомъ случаѣ и на долю банковъ во всемъ вышеизложенномъ падаетъ большая доля отвѣтственности.

Повидимому, среди акціонеровъ нашихъ банковъ не должно было бы чувствоваться недостатка въ понимающихъ людяхъ, которые хорошо сознавали бы все зло теперешнихъ банковыхъ порядковъ и которые были бы склонны къ устраненію этихъ порядковъ. Но, къ сожалѣнію, для болѣе вліятельныхъ изъ нихъ все это бываетъ на руку. Персоналъ нашихъ вліятельныхъ акціонеровъ вербуется главнымъ образомъ среди того класса имущихъ людей, который у насъ безразлично называется солидными капиталистами, хотя эпитетъ солидный въ дѣйствительности къ очень немногимъ изъ нихъ можетъ быть примѣненъ. Рѣдко кто изъ нихъ значительную часть своихъ средствъ помѣщаетъ въ банковыя акціи. Помимо банковыхъ интересовъ у нихъ всегда есть свои личные интересы, и въ большинствѣ случаевъ эти послѣдніе бываютъ преобладающими.

При всеобщемъ замѣшательствѣ въ кредитѣ и стѣсненномъ положеніи денежнаго рынка въ помощи капиталиста многіе нуждаются и къ его услугамъ всякъ обращается. Отъ этого его значеніе ростетъ и онъ становится серьезною силою. Это такъ заманчиво для него, что онъ готовъ сквозь пальцы смотрѣть, когда въ банкахъ, гдѣ

онъ состоитъ акціонеромъ, не все обстоитъ благополучно. Къ тому же, располагая довольно значительнымъ количествомъ акцій онъ часто попадаетъ въ члены банковыхъ управленій, и пользуется процентнымъ вознагражденіемъ изъ ежегодныхъ прибылей, которое бываетъ тѣмъ выше, чѣмъ выше стоитъ дивидендъ.

Стѣснительное положенія рынка выгодно для всякаго капиталиста, у кого есть свободные рессурсы, но оно представляетъ совсѣмъ особый соблазнъ для тѣхъ болѣе ловкихъ изъ нихъ, у которыхъ сильно развиты любостяжательныя склонности и которые не прочь во всякой мутной водѣ удить рыбу Когда банки взимаютъ 10 и 12%, въ частныхъ рукахъ деньги не находятся и за 15%. Тутъ стоитъ только разстаться съ совѣстью, и богатая нажива является сама собою. Въ провинціальныхъ городахъ Россіи воочію теперь можно видѣть, какъ широко позорная лихва стала примѣняться не только къ займовымъ сдѣлкамъ, но и къ чисто товарнымъ, совершаемымъ между купцами. Лихоимецъ знаетъ, какъ пользоваться стѣснительнымъ положеніемъ всякаго, съ кѣмъ ему приходится входить въ дѣловыя сношенія, и онъ всегда находитъ средства какъ на то, чтобы въ три дорога продать ничего не стоющее, такъ и на то, чтобы за безцѣнокъ купить очень дорогое. Случается, что ему удается попасть въ учетные комитеты, состоящіе при банкахъ. Тогда отъ его голоса начинаетъ зависѣть принятіе или отказъ предъявляемыхъ къ учету векселей, и ему представляется легкая возможность держать въ ежевыхъ рукавицахъ свою кліентуру. Понятно, что онъ держитъ ее въ этихъ рукавицахъ тѣмъ силь-

нѣе, чѣмъ дороже кредитъ и чѣмъ труднѣе находятся деньги. Въ хаосѣ отношеній, созданныхъ банками, одному лихоимцу лафа, онъ свободно душитъ всякаго, кто слабѣе его и кого онъ можетъ душить.

Правда, у насъ не мало и такихъ акціонеровъ, которые держатъ себя далеко отъ всякихъ темныхъ дѣлъ и которые бываютъ серьезно заинтересованы въ томъ, чтобы процвѣтали учрежденія, хозяевами которыхъ они состоятъ. Ихъ никакъ нельзя винить въ индифферентизмѣ къ банковымъ интересамъ, но, къ сожалѣнію, они не менѣе другихъ падки до крупныхъ дивидендовъ. Большая часть ихъ только потому пріобрѣтаетъ банковыя акціи, что не довольствуется тѣмъ скромнымъ доходомъ, какой приносятъ другія процентныя бумаги. Крупный дивидендъ, кромѣ того, что увеличиваетъ ихъ доходъ, поднимаетъ еще курсъ принадлежащихъ имъ акцій и даетъ имъ возможность на перепродажѣ реализировать большую премію.

Перебирая различные типы акціонеровъ, нельзя не остановиться еще на одномъ, довольно опасномъ, который уже успѣлъ въ нѣкоторыхъ банкахъ получить преобладающее значеніе. Мы тутъ разумѣемъ крупныхъ предпринимателей и дѣльцевъ большой руки. Какъ извѣстно, въ Россіи солидные капиталисты рѣдко отличаются предпріимчивостью, и если у насъ иногда и попадаются дѣйствительно предпріимчивые люди, то въ большинствѣ случаевъ ихъ средства находятся далеко не въ полномъ соотвѣтствіи съ размѣромъ ихъ оборотовъ Этого рода крупные дѣльцы чувствуютъ особую слабость до банковыхъ акцій, но они пріобрѣтаютъ ихъ

только затѣмъ, чтобы заручиться вліяніемъ и расширить себѣ кредитъ; само банковое дѣло ихъ мало интересуетъ. Стѣснительное положеніе банковъ для нихъ иногда имѣетъ свои привлекательныя стороны, и они часто съ большою ловкостью пользуются имъ въ своихъ личныхъ интересахъ. Когда дѣла настолько запутываются, что банкамъ никто въ срокъ не платитъ, то они обыкновенно опасаются настойчиво требовать, чтобы имъ платили. Тутъ въ переговорахъ съ ними представляется легкая возможность совсѣмъ не подчиняться ихъ требованіямъ, а напротивъ ставить имъ свои условія и быть увѣреннымъ, что боязнь паники и благоразуміе не дозволитъ имъ доводить векселей до протеста.

ГЛАВА VI.

Страховая премія. Резервный фондъ. Ограниченіе дивиденда. Мировыя сдѣлки. Заключеніе.

Во всѣхъ взимаемыхъ при кредитныхъ сдѣлкахъ процентахъ, кромѣ платы за пользованіе капиталомъ, есть и извѣстная страховая премія. Она обыкновенно стоитъ тѣмъ выше, чѣмъ больше риска представляетъ помѣщеніе.

Низкій уровень дисконта на западѣ обусловливается не однимъ обиліемъ капиталовъ, но въ значительной мѣрѣ и тѣмъ, что тамъ сильнѣе гарантія въ исправномъ исполненіи принятыхъ обязательствъ. Немудрено, что при господствующей у

насъ всеобщей экономической безурядицѣ наши банки взимаютъ при учетѣ высокіе проценты. Противъ этихъ высокихъ процентовъ ничего нельзя было бы имѣть, если бы то, что взимается въ видѣ преміи, оставалось бы въ страховомъ фондѣ, а не сливалось бы съ прибылью и не распредѣлялось бы между акціонерами. Но у насъ послѣ утвержденія годоваго отчета въ страховомъ фондѣ ничего не остается, хотя векселя, при учетѣ которыхъ бралась премія, продолжаютъ фигурировать въ банковомъ портфелѣ, и представляемыя ими обязательства далеко еще не бываютъ погашены. Вслѣдствіе этого всякая потеря немедленно отражается на размѣрѣ дивиденда. Кромѣ текущихъ прибылей банки ничѣмъ не располагаютъ на покрытіе потерь.

Запасные ихъ капиталы имѣютъ совсѣмъ другое назначеніе; они созданы на случай крушенія банковъ и оберегаютъ только интересы вкладчиковъ. Ихъ нельзя трогать, пока не исчерпана вся годовая прибыль, но и въ этомъ случаѣ она идетъ только на пополненіе убыли въ основномъ капиталѣ.

Уставы нашихъ банковъ не знаютъ отчисленій извѣстной части годовой прибыли въ особый резервъ на покрытіе могущихъ быть потерь, и только осторожная практика очень немногихъ банковъ выработала такое отчисленіе. Отчисленія въ резервъ, правда, уменьшаютъ ежегодно раздаваемый дивидендъ, но за то даютъ возможность въ годы большихъ потерь не относить ихъ цѣликомъ на чистую прибыль.

Если бы подобныя отчисленія широко практиковались нашими банками съ самаго начала ихъ

учрежденія, то, навѣрное, какъ положеніе ихъ самихъ, такъ и положеніе ихъ клієнтовъ далеко не были бы такъ запутаны, какъ они запутаны теперь. Но въ настоящее время, когда зло уже приняло крупные размѣры и когда положеніе многихъ банковъ въ погонѣ за высокимъ дивидендомъ успѣло пошатнуться, едва ли можно было бы горю помочь однимъ установленіемъ обязательнаго отчисленія. Тутъ потребовалась бы болѣе радикальная реформа, которая вмѣстѣ съ установленіемъ такого отчисленія опредѣляла бы и максимумъ дивиденда.

Мы будемъ продолжать начатое разслѣдованіе условій осторожнаго обращенія съ поручительственнымъ кредитомъ и въ дальнѣйшемъ изложеніи обратимъ преимущественное вниманіе на направленіе, въ какомъ могло бы обнаружиться вліяніе опредѣленія максимума дивиденда, примѣрно, въ 8% или въ 10%, при которомъ весь излишекъ шелъ бы на образованіе резервнаго фонда.

Начнемъ съ акціонера. Онъ совсѣмъ иначе сталъ бы относиться къ дѣлу, когда бы зналъ, что не смотря ни на какіе заработки банковъ, его дивидендъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть выше извѣстной опредѣленной нормы. Ему не вольно пришлось бы мириться съ мыслью, что его акціи перестали быть игорною бумагою, что они ни въ какомъ случаѣ не могутъ черезчуръ подняться въ цѣнѣ, что на ихъ перепродажѣ нельзя выручить значительной преміи.

Когда у него отнялась бы возможность гнаться за высокимъ дивидендомъ, онъ естественно началъ бы серьезно заботиться о томъ, какъ бы добиться того, чтобы по крайней мѣрѣ установленный мак-

симумъ за нимъ былъ обезпеченъ, и какъ бы вести дѣло такъ, чтобы этотъ максимумъ дивиденда вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ минимумомъ, ниже котораго онъ ни въ какомъ случаѣ не опускался бы. Это многимъ труднѣе искусственнаго вздуванья доходовъ.

Прежде всего акціонеръ долженъ былъ бы сосредоточить все свое вниманіе на качествѣ банковаго портфеля и начать строго слѣдить за тѣмъ, чтобы онъ по мѣрѣ возможности очищался отъ сомнительныхъ долговъ. При опредѣленіи максимума такимъ размѣромъ, какъ 8%, резервный фондъ долженъ былъ бы быстро рости, а при быстромъ его ростѣ можно было бы широко практиковать списываніе со счетовъ неблагонадежныхъ долговъ. Ликвидація такихъ долговъ не откладывалась бы изъ года въ годъ, они перестали бы наростать. Акціонеръ не имѣлъ бы тѣхъ побудительныхъ причинъ, которыя его теперь заставляютъ всячески противиться протестамъ, а вслѣдствіе этого мѣры осторожности принимались бы своевременнѣе и банки избавлялись бы отъ необходимости нести въ послѣдствіи болѣе крупныя потери. Потери его не пугали бы, такъ какъ они не всею своею тяжестью ложились бы на чистую прибыль.

Все это благопріятствовало бы частымъ мировымъ сдѣлкамъ съ должниками, дѣла которыхъ приходятъ въ упадокъ. Мы на этихъ сдѣлкахъ подробнѣй остановимся, такъ какъ онѣ могли бы имѣть въ нашей банковой практикѣ весьма важное значеніе.

Сокрытіе имущества со стороны неплатящихъ должниковъ у насъ явленіе часто повторяющееся,

и къ сожалѣнію порядки, господствующіе въ нашихъ судахъ, позволяютъ дѣлать это почти безнаказанно. Ловкому пронырѣ не представляется никакого затрудненія обставить свою неоплатность такъ, чтобы къ нему никакъ нельзя было придраться. Наканунѣ срочнаго платежа онъ можетъ выдать массу фиктивныхъ обязательствъ и перевести все свое состояніе на чужое имя. Продѣлки подобнаго рода въ большинствѣ случаевъ остаются безъ всякаго преслѣдованія. Положеніе кредитора, который ставится въ необходимость начинать взысканіе судебнымъ порядкомъ, самое безотрадное. Онъ несетъ большіе расходы, на каждомъ шагу натыкается на проволочки и въ концѣ концевъ ничего не получаетъ. Конкурсное производство обыкновенно сопровождается такими волокитами, что кредиторы боятся его пуще огня.

Немудрено, что при подобной необезпеченности долговыхъ претензій въ нашей дѣловой жизни сложились совсѣмъ своеобразныя воззрѣнія на кредитъ и совсѣмъ своеобразные хозяйственные нравы. Для многихъ должниковъ кредитъ—искусство не платить долговъ, для многихъ кредиторовъ кредитъ—ловушка для обиранія простаковъ. Выше мы ставили банкамъ въ упрекъ ихъ пріемы по взваливанію на другихъ ожидаемыхъ потерь; но въ частной жизни это же самое продѣлывается гораздо въ болѣе широкихъ размѣрахъ, и весь секретъ премудрости нашихъ практическихъ дѣльцовъ заключается ни въ чемъ другомъ, какъ въ умѣніи болѣе ловко обдѣлывать такія сомнительныя дѣлишки. Къ объясненіямъ должниковъ, почему они пришли въ затруднительное положеніе, никто съ довѣріемъ не относится, ихъ обыкновенно запо-

дозрѣваютъ въ скрытіи имущества; но такъ какъ при этомъ всякъ хорошо сознаетъ, что отъ судебнаго взысканія нельзя добиться никакого прока, потому каждый начинаетъ ладить со своими неплатящими должниками, кто какъ горазд.

Ихъ обязательства при наступленіи сроковъ аккуратно переписываются на новыя съ начисленіемъ такихъ процентовъ, какіе кому заблагоразсудятся. Должники хорошо сознаютъ, что они не въ состояніи выполнить своихъ обязательствъ, потому соглашаются на всѣ предлагаемыя условія. Кредиторы же потѣшаютъ себя тѣмъ, что ихъ ничего не стоящія претензіи не перестаютъ расти, и уже ростутъ не по днямъ, а по часамъ; но при этомъ никто изъ нихъ не дремлетъ и только о томъ думаетъ, какъ бы уловить удобную минуту, когда можно было бы урвать хоть какую нибудь частичку долга. Каждый изъ нихъ хитритъ передъ другимъ. Нѣкоторые ссужаютъ такихъ своихъ должниковъ новыми капиталами, но это бываетъ только съ тѣмъ, чтобы втянуть въ ихъ дѣла другихъ. Всѣ средства пускаются въ ходъ, чтобы заручиться порукою родственниковъ, пріятелей. Такъ какъ усилія кредиторовъ перехитрить одинъ другого часто удаются, потому обыкновенно никто изъ нихъ не теряетъ надежды на успѣхъ и никакъ не желаетъ мириться съ потерями. Очень рѣдко они приходятъ къ полюбовному соглашенію между собою и развязываются съ несостоятельными должниками миролюбивой сдѣлкой.

Между тѣмъ такія сдѣлки были бы въ высшей степени полезны какъ для нихъ самихъ, такъ и для ихъ должниковъ. Никто не станетъ отрицать, что всякому было бы обидно видѣть своего

должника вновь разбогатѣвшимъ послѣ того, какъ онъ полтинникомъ разсчитался за рубль, но вопросъ—лучше ли кредиторамъ при теперешнихъ условіяхъ, когда каждый изъ нихъ смѣшиваетъ только приписываемые проценты съ дѣйствительнымъ доходомъ и ничего не стоящія долговыя претензіи съ дѣйствительнымъ имуществомъ, и когда каждый изъ нихъ живетъ въ полной неопредѣленности на счетъ дѣйствительнаго положенія своихъ дѣлъ и никакъ не можетъ привести въ извѣстность, какими средствами онъ располагаетъ. Такое положеніе дѣлъ имѣетъ самое пагубное вліяніе на народное хозяйство: оно запутываетъ дѣла всѣхъ и тормозитъ всякую предпріимчивость.

Если при теперешнемъ порядкѣ веденія дѣлъ и удается нѣкоторымъ кредиторамъ спасать цѣлость своихъ капиталовъ, то это бываетъ на счетъ другихъ кредиторовъ. Въ общей сложности потери не уменьшаются и никакъ не могутъ уменьшиться. Потеря представляетъ собою несомнѣнную реальность, она такая же неразлучная спутница всякаго предпріятія, какъ и прибыль. Всѣхъ коньектуръ удачнаго исхода предпріятій никакъ нельзя предусмотрѣть; на три, четыре выгодныхъ дѣла всегда будетъ одно невыгодное. Когда потеря наступаетъ, ей слѣдуетъ смотрѣть прямо въ глаза, а не тѣшить себя, что ее можно было искусственно замазать. Играть тутъ въ жмурки опасно какъ для частнаго хозяйства, такъ и для всего народнаго хозяйства. Потеря неминуемо производитъ прорѣхъ въ активѣ всякаго имущества; въ домашней жизни она требуетъ сокращенія расходовъ, въ промышленной жизни сокращенія оборотовъ. Если ее мас-

кировать и не соблюдать этихъ требованій осторожности, она всегда ведетъ къ разоренію.

И относительно неплатящихъ должниковъ слѣдуетъ замѣтить, что далеко не всѣ они злостные банкроты, что многихъ изъ нихъ постигаютъ такія несчастныя обстоятельства, которыхъ никакъ нельзя было бы предусмотрѣть, что наконецъ въ числѣ неудачниковъ бываетъ не мало дѣйствительно предпріимчивыхъ людей, которые только случайно дѣлаются жертвой своихъ увлеченій. При теперешнихъ условіяхъ они являются совсѣмъ погибшими для общества послѣ того, какъ разъ приходятъ въ затруднительное положеніе. Очень немногимъ изъ нихъ и то только въ исключительныхъ случаяхъ удается поправить свои дѣла такъ, чтобы имъ можно было разсчитаться полнымъ рублемъ; большинству же суждено бываетъ влачить до послѣднихъ своихъ дней самое жалкое существованіе вѣчно опекаемыхъ и вѣчно обираемыхъ. Если ихъ поддерживаютъ, то это бываетъ только затѣмъ, чтобы они не переставали зарабатывать; по чуть имъ удается что нибудь заработать, у нихъ немедленно это отбирается. Они лишаются всякой иниціативы и ставятся въ полную невозможность сколько нибудь удачно вести свои дѣла. Вся ихъ жизнь—постоянная отрава какъ для нихъ самихъ, такъ и для тѣхъ, кто ихъ поддерживаетъ и кому они остаются должны. Для каждаго изъ нихъ было бы въ тысячу разъ выгоднѣе, чтобы съ него сняли послѣднюю его рубашку, но разъ навсегда покончили бы съ нимъ всѣ старые счеты.

Безурядица, о которой у насъ идетъ рѣчь, существовала и до открытія банковъ и, навѣрное, будетъ еще долго продолжаться, пока, подъ вліяніемъ улучшенныхъ судебныхъ порядковъ и новыхъ гарантій по исполненію принятыхъ обязательствъ, значительно не измѣнятся господствующія въ нашей хозяйственной жизни нравы. Но при содѣйствіи банковъ она возростаетъ и начинаетъ обнаруживаться въ тѣхъ отрасляхъ народнаго хозяйства, гдѣ ее прежде совсѣмъ не замѣчалось.

Между тѣмъ банки стоятъ во главѣ кредитнаго дѣла; они легко могли бы имъ руководить, потому на ихъ нравственной обязанности дѣлать все, что сколько нибудь могло бы упорядочить долговыя отношенія публики.

Мы уже обратили вниманіе на то, что при отчисленіяхъ въ страховой фондъ не было бы для банковъ основанія избѣгать протестовъ такъ сильно, какъ они избѣгаютъ теперь. Протесты вели бы за собою списаніе опороченныхъ долговъ въ убытокъ, а послѣ такого списанія можно было бы смѣло начинать взысканія, не опасаясь судебныхъ проволочекъ. При новыхъ порядкахъ строгія взысканія долговъ стали бы мало по малу входить въ банковые обычаи. Но извѣстно, когда одинъ изъ кредиторовъ бываетъ непреклоненъ и не боится судовъ, то и другіе кредиторы ставятся въ необходимость слѣдовать его примѣру: иначе они рискуютъ потерять все по своимъ претензіямъ. Судебныя издержки и проволочки во всякомъ случаѣ не переставали бы ихъ пугать, потому имъ волею неволею приходилось бы часто кончать дѣла миролюбивымъ соглашеніемъ. Банки съ своей стороны не отказывались бы отъ участія въ этихъ соглашеніяхъ, такъ какъ и для нихъ они были бы выгоднѣе судебныхъ взысканій.

Неблагонадежные должники такимъ образомъ

бывали бы вынуждены раньше приступать къ ликвидаціи своихъ сомнительныхъ дѣлъ, и хотя такая ранняя и насильственная ликвидація никогда не обходилась бы для нихъ безъ нѣкотораго стѣсненія и безъ нѣкоторыхъ убытковъ, но эти стѣсненія и эти убытки, какъ для нихъ самихъ, такъ и для ихъ кредиторовъ во всякомъ случаѣ не были бы такъ пагубны, какъ продолженіе дѣлъ при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ кредита. Можетъ быть при этомъ многіе теряли бы все, но за то у нихъ оставалась бы возможность вновь стать на ноги, и ихъ предпріимчивыя силы не пропадали бы совсѣмъ для народной промышленности, какъ они пропадаютъ теперь.

Легкая возможность кончать дѣла миролюбивыми соглашеніями имѣла бы и ту хорошую сторону, что избавляла бы банки отъ необходимости частаго обращенія къ тѣмъ неблаговиднымъ пріемамъ по взваливанію на другихъ ожидаемыхъ потерь, которые составляютъ теперь самую темную сторону ихъ дѣятельности.

Но какого бы сочувствія ни заслуживала широкая практика мировыхъ сдѣлокъ, она не должна переходить въ банковой дѣятельности за извѣстные предѣлы. Положеніе многихъ заемщиковъ, находящихся въ стѣснительныхъ условіяхъ, легко могло бы быть значительно улучшено, если бы ихъ долги разсрочивались на продолжительное время и если бы имъ даровывались нѣкоторыя льготы по уплатѣ процентовъ. Частные кредиторы иногда входятъ въ подобнаго рода сдѣлки съ крупными должниками и нельзя не признать, что въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ онѣ увѣнчиваются полнымъ успѣхомъ. Въ частной жизни такія сдѣлки могли бы

заслуживать полнаго одобренія, но не дай Богъ найти имъ широкое примѣненіе въ банковой практикѣ. У насъ всякая хорошая вещь очень легко извращается, и даже самыя благонамѣренныя начинанія нерѣдко приводятъ къ плачевнымъ результатамъ, а съ такого рода мировыми сдѣлками при нашей несчастной склонности къ поблажкамъ разнаго рода даже въ тѣхъ случаяхъ, когда мы матеріально не заинтересованы, — это тѣмъ легче можетъ случиться. Плата болѣе низкихъ процентовъ и разсрочка долговъ для всякаго соблазнительны. Если это будетъ допущено со стороны банковъ въ пользу однихъ, то желающихъ найдется пропасть. Всѣ станутъ жаловаться на стѣснительность своего положенія и всѣ станутъ требовать для себя такихъ же льготъ, какія даровапы были другимъ. Стоитъ только такимъ сдѣлкамъ войти въ банковую практику, и у всѣхъ банковыхъ кліентовъ навѣрное пайдутся свои покровители въ банковыхъ заправилахъ. Великодушіе на чужой счетъ очень не трудная вещь, а у насъ падки на такое великодушіе не только изъ корыстныхъ видовъ, но и по широтѣ нашей натуры. На осмотрительность и осторожность нашихъ общественныхъ дѣятелей трудно положиться. Какая то особая наша склонность дѣлать все на авось и какъ ни попало портить у насъ всякое дѣло. А съ кредитомъ шутить нельзя: онъ не имѣетъ ничего общаго съ благотворительностью. Ни кулачество, ни ростовщичество не въ состояніи такъ извратить долговыхъ отношеній, какъ поблажки, оказываемыя должникамъ. Кредитъ только тогда кредитъ, когда онъ не даровой и когда по обязательствамъ требуется строгое выполненіе. Благотворительность его губитъ.

Какъ-же быть банкамъ со своими крупными должниками въ тѣхъ рѣдкихъ, но важныхъ для нихъ случаяхъ, когда всѣ прочіе кредиторы не находятъ для себя другаго исхода, какъ въ разсрочкахъ и въ льготахъ? Неужели банкамъ слѣдовало бы своею непреклонностью мѣшать благопріятному исходу мировыхъ сдѣлокъ?

При настоящихъ условіяхъ положеніе ихъ въ такихъ случаяхъ бываетъ въ высшей степени затруднительно. По характеру своей дѣятельности они теперь ничѣмъ не отличаются отъ частныхъ кредиторовъ: они взимаютъ такіе же высокіе проценты и преслѣдуютъ только свои личныя выгоды, потому ни для кого не представлялось бы никакого основанія ставить ихъ въ привилегированное положеніе. Между тѣмъ за неимѣніемъ резервныхъ фондовъ, которые позволили бы имъ безъ опасенія списывать со счетовъ крупныя суммы, они ставятся въ полную невозможность настаивать на удовлетвореніи своихъ претензій. Имъ приходится многимъ хуже, чѣмъ частнымъ кредиторамъ, такъ какъ они не могутъ обезпечить себя ни закладными, ни другими сдѣлками, не предусмотрѣнными ихъ уставами. Если они вынужденно соглашаются на разсрочки и дѣлаютъ это безъ предварительнаго списанія долговъ въ убытокъ, то они ставятъ себя въ очень фальшивое положеніе. Ихъ образъ дѣйствія дѣлается противозаконнымъ, такъ какъ пока какой нибудь долгъ фигурируетъ въ активѣ баланса, онъ долженъ безусловно подчиняться всѣмъ требованіямъ устава.

Но положеніе банковъ измѣнилось бы многимъ къ лучшему при предлагаемыхъ нами отчисленіяхъ и ограниченіи дивиденда. Тутъ всякъ могъ

бы понять, что банки служатъ не только своимъ личнымъ интересамъ, но и всему кредитному дѣлу страны, что съ ихъ интересами связаны весьма важные общественные интересы, потому банки могли бы смѣло настаивать, чтобы при мировыхъ сдѣлкахъ имъ предоставлялись особыя гарантіи. При наличности значительныхъ резервныхъ фондовъ формальности устава для нихъ нисколько не были бы стѣснительны. Имъ стоило бы только списать со счетовъ долги, о которыхъ шла бы рѣчь, и у нихъ были бы руки совсѣмъ развязаны. Уставы строго относятся къ помѣщеніямъ банковыхъ капиталовъ только до тѣхъ поръ, пока они показываются какъ активное имущество. Но если бы банки, въ видахъ осторожности, предварительно списывали бы эти помѣщенія въ убытокъ, то они смѣло могли бы заключать всевозможныя сдѣлки, не противныя общимъ гражданскимъ законамъ, чтобы оберечь себя отъ потерь. Это ни однимъ банковымъ уставомъ не возбраняется. Тутъ могли бы имѣть мѣсто и закладныя, и арендные договоры и контракты всякаго рода, даже оставленіе за собою на какую угодно сумму паевъ предпріятій, принадлежащихъ должникамъ, хотя бы покупка такихъ паевъ не входила въ кругъ нормальныхъ операцій, разрѣшаемыхъ уставами.

Понятно, что все это было бы возможно только послѣ предварительнаго списанія долговъ въ убытокъ, значитъ, и послѣ протестовъ, которые непремѣнно должны были бы получить всеобщую огласку. Потому, при новыхъ порядкахъ трудно было бы допустить злоупотребленія со стороны банковъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда, совершая мировыя сдѣлки, они допускали бы не только

льготныя условія, но и совсѣмъ скашивали бы часть долговъ.

Сдѣлки, въ какія позволяютъ себѣ входить въ настоящее время нѣкоторые банки съ своими несостоятельными должниками безъ предварительныхъ протестовъ, и нелегальны и вредны. Выше мы уже разъяснили, почему они нелегальны. Вредны же они главнымъ образомъ потому, что совершаются въ тихомолку, келейно, и не доводятся до свѣденія тѣхъ, кому о нихъ надлежало бы знать. Публика о нихъ иногда остается въ полномъ невѣденіи и продолжаетъ по прежнему кредитовать такихъ лицъ, которыя банками давно уже осуждены.

Оставимъ мировыя сдѣлки и коснемся другихъ сторонъ вопроса. При господствующемъ въ настоящее время направленіи въ дѣятельности банковъ считается верхъ-совершенствомъ банковаго искуства умѣніе находить прибыльное помѣщеніе всякому малѣйшему свободному рессурсу. Но если бы высота дивиденда подвергалась значительному ограниченію, то едва ли бы такъ высоко цѣнилось особое умѣнье банковыхъ заправилъ истощать всѣ свободныя кассовыя резервы и постоянно держать завѣдуемыя ими учрежденія въ затруднительномъ положеніи. Свободныя суммы на текущемъ счету въ Государственномъ Банкѣ не претили бы глаза. Банки съ большею осторожностью производили бы первоначальныя выдачи и могли бы мало по малу проникнуться сознаніемъ, что недостаточно одной солидности подписей для правильнаго веденія учетной операціи. Все это не безъ вліянія осталось бы и на положеніе дѣлъ банковой кліентуры. Перестали бы завязывать долговыя отношенія, которыя безъ потерь никакъ не могутъ развязаться, не затягивались бы дѣла, которыя безъ искусственной поддержки давнимъ давно сами собою прекратились бы, и вообще задолженность не такъ бы запутывалась, какъ она теперь запутывается.

При новыхъ порядкахъ учетный процентъ самъ собою началъ бы падать вслѣдствіе общаго упорядоченія долговыхъ отношеній, да и банки не имѣли бы особыхъ побудительныхъ причинъ держать его искусственно на высокомъ уровнѣ, такъ какъ высокіе проценты не вліяли бы болѣе на размѣръ дивиденда.

Ограниченіе дивиденда извѣстнымъ максимумомъ совсѣмъ бы измѣнило духъ, господствующій въ нашемъ банковомъ дѣлѣ. Это повліяло бы и на составъ банковыхъ акціонеровъ, къ которымъ мы опять возвращаемся. Персоналъ ихъ по всему вѣроятію измѣнился бы къ лучшему, и при этомъ навѣрное значительно ослабъ бы тотъ соблазнъ къ скупу банковыхъ акцій, какой существуетъ теперь. Потому рѣже пришлось бы прибѣгать къ услугамъ фиктивныхъ акціонеровъ, и на общихъ собраніяхъ не такъ часто разыгрывались бы тѣ кукольныя комедіи, свидѣтелями которыхъ мы бываемъ теперь нерѣдко.

Можно предположить, что по мѣрѣ измѣненія персонала акціонеровъ, измѣнились бы и ихъ отношенія къ тѣмъ, которымъ обыкновенно довѣряется завѣдываніе банковымъ дѣломъ. Положеніе банковъ было бы многимъ крѣпче, потому явилась бы меньшая нужда въ услугахъ тѣхъ подставныхъ лицъ, которымъ теперь иногда платится громадный гонораръ только въ виду ихъ вліятельныхъ свя-

зей. Въ банковыхъ дѣятеляхъ высоко цѣнились бы не столько тѣ качества, которыя теперь высоко цѣнятся, сколько добросовѣстность и знаніе дѣла.

Но какъ бы ни было все это желательно, заранѣе съ увѣренностью можно предположить, что всякая малѣйшая попытка къ какому бы то ни было ограниченію дивиденда встрѣтитъ сильное сопротивленіе со стороны теперешнихъ обладателей банковыхъ акцій. Они станутъ доказывать, что банковое дѣло представляетъ собою такое же коммерческое предпріятіе, какъ и всякое другое, что относительно этихъ другихъ коммерческихъ предпріятій нигдѣ не признается цѣлесообразнымъ ограниченіе дивиденда, что всякая попытка къ такому ограниченію была бы вопіющимъ нарушеніемъ пріобрѣтенныхъ имущественныхъ правъ.

Ни съ однимъ изъ этихъ доводовъ нельзя согласиться. Во первыхъ, тутъ не можетъ быть рѣчи не только о вопіющемъ, но и вообще о какомъ бы то ни было нарушеніи имущественныхъ правъ. Та часть годовой прибыли, которая при этомъ не отчислялась бы въ дивидендъ и не распредѣлялась бы между акціонерами, у нихъ не отнималась бы. Она шла бы въ пользу того предпріятія, собственниками котораго они же состоятъ, и служила бы къ образованію страховаго фонда. Вѣдь чего нибудь да стоитъ для хозяевъ такое обставленіе ихъ дѣлъ, при которомъ можно было бы нести чувствительныя потери, совсѣмъ не раскошеливаясь. Въ годы сильныхъ потрясеній въ кредитѣ, когда и банки не могутъ обойтись безъ большихъ потерь, страховой фондъ смягчалъ бы эти потери.

И въ настоящее время не всѣ банки пользуются роскошными дивидендами; нѣкоторые изъ нихъ переживаютъ рядъ бездивидендныхъ годовъ. Резервные капиталы могли бы имъ всѣмъ обезпечить ежегодное полученіе дивиденда. Дивидендъ сдѣлался бы болѣе правильнымъ, онъ почти пересталъ бы колебаться въ размѣрѣ и получилъ бы своего рода фиксацію.

Отъ этого и цѣнность акцій окрѣпла бы. Что она потеряла бы въ доходности, то она выиграла бы въ солидности.

Правда, при этомъ не обошлось бы безъ нѣкоторыхъ лишеній для тѣхъ обладателей банковыхъ акцій, которые пріобрѣли ихъ по высокой цѣнѣ; но чтобы сдѣлахъ ихъ нечувствительными, можно было бы соблюсти нѣкоторую постепенность въ пониженіи устанавливаемаго максимума.

Едва ли могутъ быть признаны основательными и остальные доводы. Не говоря о томъ, что принципъ ограниченія дивиденда могъ бы быть съ большою пользою примѣненъ ко многимъ другимъ промышленнымъ предпріятіямъ, сопряженнымъ съ большимъ рискомъ, едва ли можно согласиться и съ тѣмъ, чтобы банковыя предпріятія, какъ основанныя на коммерческомъ разсчетѣ, ничѣмъ не отличались отъ прочихъ промышленныхъ предпріятій и должны были бы пользоваться такою же полною свободою. Прочія промышленныя предпріятія дѣйствуютъ главнымъ образомъ на свои собственные капиталы и только въ ограниченномъ размѣрѣ прибѣгаютъ къ кредиту, банки же оперируютъ преимущественно на капиталы, принадлежащіе другимъ; успѣхъ и неудача первыхъ касаются только ихъ хозяевъ, въ банковомъ же дѣлѣ ими затрогиваются

интересы многихъ постороннихъ. Въ прочихъ промышленныхъ предпріятіяхъ дивидендъ растетъ отъ усовершенствованій въ производствѣ, отъ улучшеній въ условіяхъ сбыта, и высокій дивидендъ, вообще, свидѣтельствуетъ о благопріятномъ положеніи дѣлъ; въ банковыхъ же предпріятіяхъ онъ является указателемъ того, что положеніе дѣлъ стѣснительно и деньги находятся съ трудомъ. Ни одно промышленное дѣло не затрогиваетъ въ такой мѣрѣ интересы публики. Отъ того или другаго направленія въ дѣятельности банковъ зависитъ, въ какомъ видѣ складываются долговыя отношенія въ обществѣ и какой характеръ получаетъ взаимная задолженность.

Потому правильная постановка банковаго дѣла въ каждой странѣ имѣетъ особый общественный интересъ. Она нигдѣ не оставляется на полный произволъ хозяевъ и вездѣ болѣе или менѣе строго регулируется. Если бы нашимъ банкамъ представлялась какая нибудь возможность имѣть солидный вексельный портфель, можетъ быть, и у насъ можно было бы ограничиться регулированіемъ, какимъ довольствуются на западѣ; но при томъ широкомъ развитіи, какое получило въ нашей банковой практикѣ поручительство, является настоятельная необходимость идти многимъ дальше.

Кредитъ, основанный на поручительствѣ, требуетъ чрезвычайно осторожнаго обращенія, онъ всегда сопряженъ съ сравнительно большимъ рискомъ потерь и очень легко теряетъ подъ собою хозяйственную почву.

Изъ за одного сравнительно большаго риска потерь, разумѣется, еще нельзя отчаяваться за наше банковое дѣло. Есть предпріятія, которыхъ

весь разсчетъ основанъ на покрытіи большихъ потерь и который, тѣмъ не менѣе, не перестаютъ быть прибыльными. Таковы страховыя предпріятія. Если бы при тѣхъ обильныхъ источникахъ прибыли, какими располагаютъ банки, они примѣняли къ дѣлу страховое начало, то имъ не могли бы угрожать никакія потери. Въ банковой практикѣ опасны не сами потери, но то, что онѣ маскируются, не признаются, что при полной ихъ наличности дѣла продолжаютъ вестись такъ, какъ будто ихъ совсѣмъ не было. Отъ этого дивидендъ дѣлается все болѣе фиктивнымъ и незамѣтно для самихъ хозяевъ подтачиваетъ цѣлость ихъ капитала.

Предупредить вредныя послѣдствія веденія дѣлъ въ этомъ направленіи могло бы только ограниченіе дивиденда такимъ максимумомъ, который обезпечивалъ бы быстрый ростъ страховаго фонда.

Еще большая осторожность требуется, чтобы не позволить кредиту, основанному на поручительствѣ, отрѣшаться отъ хозяйственной почвы. Не только этотъ видъ кредита, но вообще всякій кредитъ дѣлается шаткимъ, когда долговыя отношенія перестаютъ пріуричиваться къ предпріимчивости, производительность которой несомнѣнна. Ограниченіе дивиденда при широкой практикѣ поручительственнаго кредита можетъ самымъ благотворнымъ образомъ повліять не на одни банки, но и на многія другія условія, подъ вліяніемъ которыхъ складываются долговыя отношенія.

Когда банки перестанутъ бояться протестовъ и взысканій, поручительство не будетъ даваться съ теперешнею неосмотрительностью, потому не такъ легко будутъ затѣваться предпріятія, всецѣло основанныя на разсчетѣ возможности веденія

Росс... банк
Библіотека

ихъ въ кредитъ. Этому будетъ благопріятствовать и то, что банки перестанутъ при учетѣ руководствоваться одною солидностью подписей. Болѣе ранняя ликвидація сомнительныхъ дѣлъ будетъ высвобождать непроизводительно затраченные капиталы. Для новыхъ дѣлъ легче станетъ находить деньги. При меньшей запутанности долговыхъ отношеній, довѣріе не такъ сильно будетъ подшатываться, потому можно будетъ успѣшно вести дѣла, которыя теперь тормозятся только вслѣдствіе затруднительности въ кредитѣ; расплачиваться за чужіе долги придется рѣже, неудачный ходъ однихъ дѣлъ не будетъ портить другихъ.

При такихъ условіяхъ поручительственный кредитъ, хотя и пріуроченный главнымъ образомъ къ довѣрію, не переставалъ бы опираться на производительную предпріимчивость. Правда онъ не имѣлъ бы всѣхъ хорошихъ качествъ вексельнаго кредита и не въ состояніи былъ бы, подобно этому, идти чуть не по слѣдамъ каждой удачной сдѣлки; но все же онъ стоялъ бы сравнительно многимъ прочнѣе и несомнѣнно приносилъ бы больше пользы, чѣмъ вреда. Тутъ вмѣстѣ съ тѣмъ, навѣрное, перестали бы дѣйствовать и тѣ причины, которыя въ настоящее время заставляютъ малѣйшее потрясеніе въ кредитѣ принимать характеръ хронической болѣзни.

БИБЛІОТЕКА
ГОС. АКЦІОН. БАНКА
№ 10.781
12738